

ВИКТОРИЯ СЕЛМАН

МГНОВЕННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР *SUNDAY TIMES*
от специалиста по криминальной
психологии и профайлингу

The background of the entire cover is a vibrant sunset or sunrise sky, transitioning from deep purple at the bottom to bright yellow and orange at the top. A large, bright sun is partially visible on the left side. On the right side, a dark silhouette of a bird of prey, possibly a hawk or eagle, is perched on a vertical branch or post. The bird is facing left, looking towards the sun.

ОТ САМОГО
ТЕМНОГО
СЕРДЦА

Виктория Селман
От самого темного сердца
Серия «Мертвое озеро.
Бестселлер Amazon»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68721702

От самого темного сердца / Виктория Селман: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-179149-0

Аннотация

МГНОВЕННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР SUNDAY TIMES.

От специалиста по криминальной психологии и профайлингу.

Он – монстр, которого ненавидят все. Кроме нее...

Когда Софи было восемь, в ее жизни появился обаятельнейший Мэтти Мелгрэн – новый мужчина ее матери Амелии-Роуз. Он заменил девочке отца. Софи с мамой наслаждались его любовью и добротой несколько лет, даже не подозревая, что Мэтти и терроризирующий Северный Лондон серийный убийца по прозвищу Тень – один и тот же человек. Не насторожило их даже то, что все жертвы маньяка были поразительно похожи на Амелию-Роуз...

Мэтти поймали и осудили на пожизненное, но у многих остались сомнения в его виновности. Он стал настоящей знаменитостью. А вот жизнь его несостоявшейся семьи оказалась

полностью разрушена. Теперь, двадцать лет спустя, Софи получает письмо из тюрьмы Бэттлмаут, в котором сообщается, что Мэтти умирает от рака и хочет встретиться. Может быть, Софи наконец-то получит ответы на вопросы, так мучившие ее всю жизнь. Вот только освободит ли ее эта правда – или станет последним, смертельным ударом?..

«Абсолютно поглощающая закрученная история. Явный претендент на звание "Лучший триллер-2022"». – *Джон Маррс*
«Дико захватывающе, изощренно, пугающе». – *Крис Уитакер*
«Невозможно отложить». – *Алекс Михаэлидес*

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	52
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	76
Глава 12	81
Глава 13	85
Глава 14	92
Глава 15	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Виктория Селман

От самого темного сердца

Victoria Selman

Truly. Darkly. Deeply

Copyright © 2022 Victoria Selman

© Остроглазова Н.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
Daniel Bond, Holiday62 / Shutterstock.com

* * *

*В память о глубоко любимой Мэгги (2006–2020)
Тебя безумно не хватает*

Вдохновением для этой книги послужили реальные истории серийных убийц. Фанаты жанра криминальной документалистики без труда отметят психологические и поведенческие черты, известные им по делам ВТК, Зодиака, Убийцы с Грин-Ривер, Альберта Де Сальво, Ричарда Рамиреса и многих других. Однако персонажи этой книги, их поступки и мотивы выдуманы и родились исключительно в воображении автора.

Софи!

Так много нужно тебе рассказать, что я не знаю, с чего начать. Наверное, с кориуна. Это не самое начало, но почему бы и нет...

Завороженная, прижавшись носом к стеклу, ты следила за тем, как он кружит в воздухе, а по лужайке скользит его черная тень. Ты сказала, что он вертится на месте. Ты сама любила так танцевать.

В Массачусетсе водятся кориуны, но ты их раньше не видела. Или не помнила. Ты была совсем маленькой, когда тебя перевезли в Лондон. Конечно, ты не ожидала увидеть в столице кориуна. Голубя, воробья, порой малиновку, но никак не хищную птицу.

– Чем это он занят? – размышляла вслух мама. – Может, заблудился? Бедняжка...

– Он охотится, – ответила ты – и была права.

Среди опавшей листвы на батуте беззаботно скакал воробушек. Он был обречен. Кориун камнем упал на жертву, схватил и разорвал на том самом месте, где обычно прыгала ты.

Восторг сменился ужасом, стиснув, как хищник свою добычу.

Утолив жажду крови, кориун взмыл в небеса, оставив среди грязных листьев одни только недоеденные лапки. Птичье место преступления.

Я часто вспоминаю об этом случае как о дурном предзна-

меновании. Думаю о наступающей тьме. О грядущем крушении надежд. О непостижимости всего, чему суждено произойти.

Ты заплакала, всхлипывая и давясь слезами.

– Все будет хорошо. Бояться нечего, – успокаивала тебя мама.

Она солгала, Софи. Тебе следовало бояться. И хорошо не стало.

Глава 1

Тебе кажется, ты знаешь, как все было. И мне кажется, я знаю. Но что нам на самом деле известно?

Хочется верить, что в глубине души меня всегда что-то настораживало, не давало покоя. Хотя, если честно, я ничего не подозревала. Конечно, сейчас оглядываюсь назад и гадаю, не было ли то или иное подсказкой, знаком? Но даже если так, то прояснилось все намного позже, а тогда я ничегошеньки не знала. Ничегошеньки.

Так всегда бывает, когда оглядываешься в прошлое. Воспоминания искажаются, и создается впечатление, что повсюду были расставлены предупредительные флажки, хотя на деле их не было. Сам себе перестаешь верить. Прошлое превращается в череду вопросов «почему?» и бесконечных упреков.

Почему я не поняла, что происходит? Почему раньше не догадалась?

Ответ мне известен, хотя от него не легче, а только хуже. Никто ничего не видел. Никто ничего не понимал. Не меня одну одурачили.

Сквозь щель почтового ящика проскальзывает и с глухим стуком падает на коврик письмо. Я тут, рядом: шнурую кроссовки, собралась с духом, чтобы выгулять собаку, готовлюсь выскочить под дождь. Зря я столько выпила накануне... Му-

чаюсь похмельем. Как обычно, ничего нового.

Замираю, не разгибаясь, на пальцы намотаны шнурки, глазами прилипла к коричневому плоскому конверту. По имени отправителя понятно, что там.

Звонящая тишина. Слышу, как дышу, как гудит в ушах, как тяжело стучит сердце.

По верху конверта красными буквами выбито «Тюрьма Бэттлмаут»; так на ферме клеймят скот.

Желудок сводит. Сжимаю зубами язык, во рту вкус утреннего кофе смешивается с чем-то отвратительно кислым. Выступивший пот пахнет перегаром.

Он сбежал всего через полгода заключения. Ловкий фокус.

Вскрываю конверт и достаю письмо. *Мэттью Мелгрону*. Подчеркнуто.

«Мэттью». Как официально, ведь все зовут его Мэтти – мы, пресса, телевизионщики из криминальных шоу. Такие передачи шли по всем каналам.

Мэтти любого заморозит своей кажущейся нормальностью и обаятельной улыбкой. Красивый, образованный. Убийца, нарушающий все клише. Он не был одиночкой, не был замкнут, имел хорошую работу.

Подруга у него тоже была, и здесь ничего подозрительного. Недавно на DVD вышел простенький фильм о его взаимоотношениях с моей мамой. Продюсерам прилетело за то, что на роль убийцы они позвали настоящего красавчика.

Весь «Твиттер» шумел о том, каким подчеркнуто неотразимым показали Мэтти и как невыносимо это было для родственников его жертв.

Только встревоженная общественность упустила главное: у него и сейчас нет отбоя от фанаток, которые заваливают его трусиками и порно, и по-настоящему оскорбительным для погибших женщин было бы показать Мэтти отталкивающим, перевернуть историю. В конце концов, будь он неказистым троллем, едва бы ему удалось привлечь своих жертв, втереться в доверие. Мне ли не знать.

Мэттью Мелгрону.

Глаза скользят дальше по тексту, дышать все тяжелее. Дойдя до конца, обращаюсь к маме. Голова раскалывается, во рту пересохло.

– Я рассталась с Томом. – Нужно говорить не об этом, но я должна собраться с мыслями.

– Софи, мне так жаль... Что случилось? Хороший вроде парень...

Фыркаю:

– Все они поначалу милые.

Слова повисают в воздухе, вызвав в нашей памяти одно и то же лицо.

– Он тебя обидел?

Я смеюсь, но без души.

– Сказал, что мне нужно чаще носить юбки.

– Софи, Софи...

Любому такой ответ показался бы глупостью, но я уверена, что мама меня понимает. Я с такой же уверенностью знала, что она горстями пьет таблетки, еще до того, как зависимость стала отражаться на речи.

– Ты мне не все сказала, верно?

Как всегда, мама видит меня насквозь. Какой смысл что-то скрывать, особенно сейчас?

– Мне пришло письмо. Из Бэттлмаута.

– Мэтти...

Даже сейчас, спустя столько лет после всего, что случилось... В ее шепоте – тоска, метание, неугасшая любовь... Я тут же вспоминаю о перочинном ножичке с перламутровой рукояткой, который храню в ящике комода. Боль помогает изгнать чувство вины, приносит облегчение. Боже, да я как собака Павлова!

Моей немецкой овчарке Бастеру тоже не чужды рефлексы. Каждый раз, когда раздается крик, неожиданный грохот или удар, он чувствует мое настроение и утыкается носом мне в ногу. Я треплю его за уши. «Хороший пес».

– Мэтти умирает, – говорю я маме без намека на радость или сожаление. – Рак поджелудочной.

– Сколько осталось?

Пожимаю плечами:

– Пара недель. Может, меньше. – Набираю побольше воздуха и медленно выдыхаю. – Пишет, что хочет поговорить. Увидеться.

– Сознаться?

В ее голосе слышится надежда, отчаянная потребность поставить точку. Мурашки по коже. Мне это необходимо не меньше, и все же...

– Возможно, но кто его знает... Он до последнего твердил, что не тот, кого все ищут.

– Ты поедешь?

– Не уверена.

Жажда получить ответы. Ужас перед правдой.

Опускаю взгляд. Руки трясутся, а с ними – крепко сжатое в кулаке письмо.

Глава 2

– Мне тоже пришло письмо, – говорит мама.

– От Мэтти?

– Нет. – В ее интонации проскальзывает разочарование, но она быстро берет себя в руки. – От тюремного капеллана по имени Билл.

– Старого?

– Что?

– Ничего. Извини. Не обращай внимания.

Старый Билл – из британского сленга¹. Ей, как американке, он до сих пор чужд. А я так и не научилась спокойно переносить дискомфорт.

Когда нервничаю, начинаю глупо шутить. Мой психолог Дженис называет это защитным механизмом. Очередная уловка, чтобы уйти от реальности. За долгие годы я выучила немало таких приемов.

На одном из стикеров, расклеенных мамой по дому, написано: «Хватит обороняться. Пусть все видят настоящую тебя».

Ага, конечно.

– И что же сообщил этот капеллан? Билл.

– Что избавление в прощении. Что мне станет лучше, если

¹ Одно из прозвищ полицейских.

я смогу отпустить обиду. Что я сама себе причиняю боль.

– Господи Иисусе.

– Не богохульствуй.

Не сомневаюсь, что эти двое – мама и капеллан – нашли общий язык.

– Надеюсь, ты сказала ему, куда засунуть свою проповедь о прощении.

– Я не ответила, но письмо сохранила. – Это мне уже известно, письмо она держит в коробке с фотографиями. – Если хочешь, прочитай.

– Спасибо, обойдусь.

– Вот бы все обошлось и мне полегчало...

Ее печаль отдается во мне ответной волной эмоций. Вот бы обнять ее, заверить, что все будет хорошо. Слишком поздно.

– Когда думаю о времени с Мэтти, то уже не знаю, что из этого правда, а что – мои детские фантазии.

– Какая разница?

– Для меня – большая.

Повисшее молчание таит столько невысказанного! Стольким хочется с ней поделиться... Как много всего не стоит и говорить... Обычно я ограничиваюсь мысленными разговорами.

– Его последней жертве было всего восемь лет. Как мне, когда мы с ним только познакомились. А ее сестре – двенадцать, как мне, когда его посадили.

– Мы не знаем наверняка, кто ее убил.

– У присяжных сомнений не возникло.

Мама вздыхает и прикладывается к напитку. Я представляю, что в руках у нее джин. Пока шел суд, джин по утрам вошел в привычку. И к обеду ей уже было все равно, что пить, лишь бы не трезветь.

– Ты никогда не думаешь: что, если все это ошибка? – спрашивает мама.

– Нет.

Неправда. Конечно, я задумываюсь. Как иначе?

Что сделал он, что, по его словам, сделали они, – все это преследует меня так давно, что я уже забыла, каково это – не задыхаться, не заставляя себя делать вдохи и выдохи.

Даже сейчас где-то в душе я надеюсь, что однажды проснусь и все окажется дурным сном. Что имя моего героя очищено. Что он не убил всех тех женщин, не расправился с девочкой, которая даже во сне не расставалась с плюшевым медвежонком.

Я ежедневно следила за судебным процессом по газетным заметкам, и потом читала и смотрела все, что касалось его дела. Видела снимки, изучала полицейские отчеты. Но пока он отрицает свою вину, всегда остаются сомнения. Вдруг они обвинили невиновного? Вдруг совершили ужасную ошибку? Было ли мое детство пропитано обманом? Или я сама себя обманула?

– Знаешь, он мне писал после суда. Любовное послание.

Излил душу. Умолял верить ему, верить в то, что было между нами. Писал, что начал познавать свою духовность. Начал медитировать. Там, в тюрьме, участвовал в благотворительности. Даже консультировал заключенных, страдающих депрессией.

А ты и рада подачке. Ключула. С твоей подсказки Мэтти начал с чистого листа. Поклялся в вечной любви.

– Билл сказал, что Мэтти дал ему прочитать письмо, хотел подобрать верные слова.

Зачем морочить голову одному, если можно запудрить мозги двоим?

Что-то в ее голосе поменялось, словно из шарика выпустили воздух.

– Я так ему и не ответила. Должно быть, это его очень расстроило.

– И поделом. – Прозвучало жестко. Залакированная труха. Показуха. Только тронь, я рассыплюсь.

– Так ты поедешь? – снова спрашивает мама. – Навестишь его?

Я долго не отвечаю. Она ждет, потягивая свой напиток. А я так крепко впиваюсь в свежий порез на запястье, что выступает кровь.

– Мне страшно, – наконец признаюсь я.

– Знаю, – отвечает мама шепотом.

Откуда ей знать? Она же не понимает, что я натворила.

Из блога «Досье реальных преступлений»

Почему серийные убийцы после оглашения приговора так часто обращаются в прессу? Хотят покрасоваться? Сказать последнее слово? Накормить ненасытное эго?

Заявление Мэтти Мелгрена до жути напоминает речь Кена Бенито, известного как «Душитель из Сан-Франциско», арестованного спустя десять лет после того, как Мелгрена отправили за решетку.

Эта схожесть дала почву для обсуждения, не были ли преступления Бенито вдохновлены зверствами Мелгрена. Всем известно, что последний душил своих жертв их собственным нижним бельем, завязывая импровизированную удавку бантом.

Если все так, то Бенито не единственный, кто увидел в Мелгрене героя. Поклонники пишут ему, шлют деньги и интимные снимки – некоторых дамочек страшные убийства не отталкивают, а заводят.

Вот какое заявление зачитал от имени Мэтти его адвокат:

Сегодня произошла ужасная несправедливость. Я невиновен в этих убийствах, потрясших мир и заставивших женщин бояться выходить в одиночку.

Если кто и виновен в свершившемся, то это полиция, сфабриковавшая против меня дело, не гнушаясь подлогом и ложными свидетельствами. Ничего не

доказано, тем более моя вина.

Этот приговор должен был прозвучать для другого человека. Я всей душой надеюсь, что его скоро найдут и призовут к ответу, не только ради меня, но и ради семей его жертв. Они имеют право знать, что на самом деле случилось с их близкими.

И я тоже имею право.

Чем бы ни было продиктовано заявление Мелгрена, многие до сих пор недоумевают, был ли он честен. И правда ли, что маньяк все еще на свободе.

Глава 3

Мне было шесть лет, когда мы с мамой переехали из Ньютона – спального района на окраине Бостона в штате Массачусетс – в Лондон. С моим отцом она познакомилась, едва поступив в колледж. В том же году они поженились, вскоре мама родила меня. Ее отчислили, а бывшие однокурсники перешли на третий курс.

Когда отец ушел, мне не исполнилось и двух. Бабушка с дедушкой, сверхщепетильные католики, этому не обрадовались:

– Что ты наделала, Амелия-Роуз? Он просто исчез?

Ни они, ни их соседи не могли одобрить развод. В нашем маленьком городе на каждом углу стояло по церкви. И куда бы ты ни шел, всюду встречал знакомых. Все друг друга знали.

– С чего бы ему уходить? – в сотый раз спрашивала бабушка, когда они с мамой в четыре руки мыли и расставляли посуду. Бабушка ополаскивала тарелки в мыльной воде, а мама вытирала насухо. – Никто просто так не уходит от жены и ребенка.

– А он ушел.

Дедушка оторвался от газеты, сложил ее и оставил на журнальном столике. На сгибе крупным шрифтом начало заголовка: *«Тело женщины найдено в Чарльз...»*.

– Милая, твоя мать просто пытается разобраться.

Дедушка приехал в Штаты совсем мальчишкой. С годами он растерял былую шевелюру, но мягкий дублинский акцент никуда не делся. Бабушка говорила, что сначала влюбилась в этот говор, а потом уже в деда. Именно в таком порядке. Меня бы он привлек своей добротой, но ирландские нотки и правда звучали красиво, особенно когда он пел.

По словам мамы, отец тоже говорил с акцентом.

– Я этого не помню.

– Где ж тебе помнить...

Я не слышала его голос уже целую вечность.

Мама повесила кухонное полотенце и заправила волосы за уши.

– Иди-ка сюда, Софи. Давай посмотрим картинки?

Я села поближе, положила голову ей на плечо, а она принялась читать. В ее исполнении Джон Арбакл говорил каким-то недостаточно мужским голосом, а вот Гарфилд² удавался ей замечательно.

Бабушка неодобрительно цокнула языком:

– Я пытаюсь с тобой поговорить, Амелия-Роуз.

Помню ее именно такой. Вот она цокает, закатывает глаза. А лицо напудрено так щедро, что сама кожа выглядит рассыпчатой.

Когда отец ушел, мы жили с бабушкой и дедушкой. Нам с

² Упомянуты созданные Дж. Дэвисом персонажи американских комиксов, мультфильмов и фильмов о коте Гарфилде и его хозяине.

мамой досталась общая спальня в деревянном доме на Годдард-стрит, где по ночам меня будили еноты, шумно рывшиеся в мусорных баках.

Однажды, устав от их постоянных набегов, я бросила из окна чашку с водой – хотела их спугнуть. Чашка разбилась вдребезги, десятки фарфоровых осколков рассыпались по дороге, и «кто угодно мог на них наступить».

– Тебе нужно научиться думать, прежде чем делать, – отчитывала меня бабушка. А наутро отправила меня с совком и щеткой на улицу. – Очень уж ты резкая, дорогуша. Такое поведение до добра не доведет.

Речь шла не столько о енотах, сколько о Тонни Синклере. Бабушку ничуть не волновало, что сопляк заслужил взбучку, которую я ему устроила. И что дрался он как девчонка.

– Так вести себя нельзя, ясно? Я не допущу, чтобы ты закончила как...

Дедушка бросил на нее предостерегающий взгляд и слегка покачал головой.

– Джорджия...

Почувствовав в нем союзника, я стояла на своем.

– Он сказал, что понимает, почему папа нас оставил. Я дала ему шанс взять свои слова обратно. Все по-честному.

Бабушка погрозила пальцем перед самым моим носом.

– Нельзя быть такой вспыльчивой, Софи Бреннан. В следующий раз попробуй объяснить, а не махать кулаками. А еще лучше просто уйди.

– Словами никого не проучишь.

Дедушка улыбнулся:

– Ты удивишься, сладкая.

Похоже, в этом вопросе у бабушки имелся кое-какой опыт. Однажды, когда все думали, что я сплю, я подслушала их разговор с мамой. Снизу доносились отдельные слова.

– Я знаю, что видела... Люди говорят... Лучше бы тебе...

Вскоре мы съехали из деревянного дома. У нас с собой было три чемодана, пакет с бутербродами и два билета на самолет.

– Мы летим в Лондон, малышка, – сказала мама.

– Не хочу туда. – Я почти плакала.

«Спор легче выиграть улыбкой, чем слезами, – говаривала бабушка. – А еще от улыбки не опухают глаза».

Одна из «жемчужин ее мудрости».

«Никогда не поздно изменить жизнь» – особый бриллиант, которым она одарила мою маму в день нашего отъезда. Они с дедушкой стояли на пороге, скрестив руки и упорно не глядя на нас.

Почему мы уезжали? Найти маме нового мужа? Тогда почему не в Штатах? Там же полно мужчин. Не скрою, мне нравился мистер Бенсон, хозяин магазинчика сладостей «Кэнди Кингдом» в торговом центре «Ньютон». У мамы появился бы мужчина, а у меня – бесконечный запас карамелек и клубничного мармелада. Беспроигрышный вариант, как сказал бы дедушка, но мама так почему-то не считала.

– Софи, ты знаешь, кто такой убежденный холостяк?³

Я задумалась:

– Мужчина без жены?

– Не совсем.

Вот она сидит в машине. Подбородок высоко вздернут, плечи расправлены. «Улыбаемся, улыбаемся». Улыбка была маской, под которой мама пыталась спрятать свою незащищенность и уязвимость.

Не знаю, почему она казалась мне такой хрупкой. Может, из-за полупрозрачных, как у птички, запястий и тонкой шеи.

Говорили, что мама напоминает кудрявую Одри Хепбёрн. Не ту, что мы видим в «Завтраке у Тиффани» в жемчужном ожерелье и с сигаретой в длинном мундштуке. Мама совсем не походила на кинодиву. Она была похожа на Одри в водолазке, без макияжа, с убранными в хвост волосами. Свежее личико, озаренное невинной неувядающей красотой, та же тонкая длинная шея, заостренный подбородок и большие, как у олененка Бэмби, глаза. Только волосы у мамы были с рыжиной, цвета подсвеченного солнцем виски.

Тогда я еще не знала слова «уязвимый», но чувствовала, что в ней это есть. Если бабушка – настоящий кремьень, то мама – лист картона; стоит намочить – тут же размякнет.

– Почему нам нужно уезжать из Америки?

В животе защекотало. С этим ощущением я просыпалась среди ночи от страха, что под кроватью затаились монстры.

³ Эвфемизм для обозначения геев.

– Нет, Софи, не нужно, а мы сами так захотели.

– Захотели?

Мы могли остаться?

– Мы выбираем свободу, никто не будет дышать нам в спину. Начнем с чистого листа.

– Я не хочу уезжать.

Она вздохнула, давая понять, что теряет терпение. Я уже не в первый раз высказывала свое несогласие.

– Ты знала, что в Лондоне улицы вымощены золотом?

– Правда?

– Скоро увидим.

* * *

Мама устроилась секретаршей.

– Сразу меня взяли. На большее я не гожусь, но на счета хватит.

– Если у нас столько счетов, почему бы просто не вернуться домой?

– Мы уже дома, Софи.

На первую неделю мы остановились в отеле «Холидэй Инн», а затем подыскиали квартиру на втором этаже двухэтажного здания неподалеку от Парламент-Хилл. Парламент-Хилл – зеленый оазис на севере Лондона: парк с детскими площадками, беговыми дорожками и прудами, в которых можно было плавать. А еще кафе, где продавалось мо-

роженое и булочки с шоколадом. Туда мы любили наведываться субботним утром.

– Помнишь «Сто одного далматинца»? Здесь они ночью подняли лай.

Она ошиблась, это было на Примроуз-Хилл. Немудрено перепутать. Для нашего американского уха названия звучали почти одинаково, если специально не задумываться.

Мы посмотрели «101 далматинец» в первую же ночь, когда заселились в «Холидэй Инн». Из-за долгого перелета и смены часовых поясов спать совсем не хотелось, и мы, уютно завернувшись в одеяло, уплетали пирожные «Твинкис» из ближайшего магазина.

Что-нибудь жевать перед телевизором вошло у нас в привычку, бабушка этого не одобрила бы. Я так и слышу ее голос: «Как некультурно!». Она была бы в ужасе, если б увидела, до чего мы докатились.

Бабушке очень важно, чтобы все было культурно. В моем представлении это значило правильно держать нож и вилку и не чавкать. «Леди видно по ее манерам, Софи». Так себе мотивация – в шесть лет у меня были мечты поинтереснее, чем становиться леди.

Подозреваю, что в моем возрасте мама вела себя так же, хотя, глядя на ее нынешние утонченные манеры, представить такое непросто. Из разрозненных кусочков мозаики у меня сложилось впечатление, что мама в детстве была как мальчишка наподобие Тома Сойера, ловила лягушек,

затачивала деревяшки и подбирала косточки каких-нибудь зверьков.

Не знаю, что случилось с лягушками, но их косточки она хранила в жестянке из-под сигар в глубине прикроватной тумбочки. На крышке нацарапано «Сокровища Амелии. Руки прочь!».

Коллекция показалась мне мрачноватой, о чем я ей и сказала.

– Красота есть во всем, Софи, – ответила она. – Нужно только присмотреться.

И мы смотрели. Нашим любимым занятием стала охота за «сокровищами» на Парламент-Хилл. Мы подбирали перышки, камушки и стертые стекляшки, которые я доверчиво принимала за изумруды. По вечерам мы уютно устраивались на диване, ели спагетти, смотрели «Коломбо» по телевизору или фильмы из ближайшего видеопроката. «Возвращение с Ведьминой горы». «Бриолин». «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера»⁴.

«Оркестр» мама любила больше всего. Она фанатела от «Битлз» и собрала все их альбомы в виниле. В гостиной, где стоял проигрыватель, мы частенько под них танцевали. Мама плавно покачивала бедрами, а я только и умела, что скакать на месте.

⁴ «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» (1978) – музыкальный фильм режиссера М. Шульца, созданный по отдаленным мотивам бродвейского шоу и одноименного альбома группы «Битлз». Роли в фильме играют музыканты группы «Би Джиз» и Питер Фрэмpton.

Пока мы жили в Бостоне, меня отправляли спать в семь, а после переезда – почти в девять.

– Ты же растешь, – объяснила мама, хотя позже я стала догадываться, что ей просто не хотелось коротать вечера в одиночестве. Я, конечно, не жаловалась – уж точно не на это. Моим настоящим кошмаром был Дес Баннистер, разнорабочий из квартиры этажом ниже.

– Жуткий тип, – поделилась я с мамой. – От него кисло пахнет сыром, и зубы у него ужасные.

– Нельзя судить по внешности, Софи. Важно одно лишь сердце.

– Не думаю, что сердце у него лучше.

Она подергала меня за хвостик:

– Ты же его совсем не знаешь.

– Я знаю, как он обращается со своей собакой. У нее все ребра торчат. Он ее голодом морит. Видно же!

– Может, его собака просто привередлива в еде... Помнишь старого Гейба Робинсона с нашей улицы в Бостоне? Он был добрым или нет?

– А что?

– У его волкодава тоже можно было ребра пересчитать. Но Трикла уж точно не морили голодом, слишком Гейб его любил.

– Это совсем другое дело.

Мама глубоко вздохнула и склонила голову набок, как всегда делала, подбирая слова.

– Знаю, что переезд дался тебе нелегко. Знаю, какой несправедливостью кажется оставлять все, что тебе знакомо. Надеюсь, однажды ты поймешь, что все было к лучшему и что я думала о нас обоих. А пока тебе нужно постараться приспособиться, и все получится. Ладно?

– Я постараюсь, но Дес Баннистер от этого хорошим человеком не становится.

Я ковыряла носком землю, кусала губы, чтобы не расплакаться.

– Мы его не знаем. Не знаем, через что ему пришлось пройти, чем он живет.

– И что?

– То, что нельзя судить о человеке, не побыв в его шкуре.

Я подумала о том, как топали армейские ботинки Деса, подумала о его камуфляжных штанах. Вспомнила, как он пнул кружку с подающими у бродяжки на вокзале.

– Мне не нужно влезать в его шкуру, чтобы понять, что он за человек.

– Хорошо. Он тебе не нравится. Можно ли по нему судить обо всем Лондоне? Здесь столько всего прекрасного!

– Прекрасно, что дедушка не пытается задобрить меня, чтобы я не шумела в церкви.

Она рассмеялась:

– С каких пор тебе разонравились мятные конфеты, малышка? Я скорее имела в виду погоду. Ты хоть знаешь, какой холод сейчас в Массачусетсе?

– Наверное, сильный.

– Сильный? Такой дубак, что пальцы отмерзают, вот какой.

Она схватила меня за руки и притворилась, что кусает. Цап!

– И еще приятно везде гулять, скажи?

Я пожалала плечами, не хотела соглашаться, хотя она попала в точку. Дома никуда нельзя было добраться пешком, только на машине. Пешеходные улицы стали для меня настоящим открытием.

В этом-то и заключалась проблема. Там был дом, а здесь – нет. Все говорили, как принц Чарльз. Когда я попросила намазать тост вареньем, на меня посмотрели как на умалишенную. А еще абсолютно нигде не продавали мои любимые сухие завтраки «Лаки Чармс».

– Ненавижу эти галеты «Витабикс», – говорила я маме. – Они на вкус как солома.

– Тебе почем знать? – шутила она, оторвав глаза от стикера, на котором что-то увлеченно писала.

По всей квартире были расклеены записки с цитатами. Мама называла их заметками для вдохновения. Жемчужины мудрости. Возможно, в глубине души она скучала по бабушке.

– Что там написано? – спросила я.

– «Только ты сам даешь себе определение».

– А словарь на что? – отреагировала я, довольная своим

остроумием.

Мама покачала головой:

– Ни одна книга на свете. Только ты сама.

Бабушка на этом моменте, наверное, бросилась бы за Библией, но я не хотела напоминать маме, что она пока так и не записала меня в воскресную школу. Поэтому решила действовать прагматично.

– Вообще-то неплохо сказано.

Да уж. Хотя нам больше пригодилась бы цитата «Бойтесь волков в овечьей шкуре».

Глава 4

Я нахожу за изголовьем кровати один из старых стикеров, написанных ее идеальным бисерным почерком. Со временем бумага истончилась и свернулась, синяя шариковая ручка поблекла. Призрак. Шепот из давнего прошлого.

Что бы я сказала, будь у меня возможность сделать наоборот? Оставить записку той себе. Послать предостережение из будущего. Подать тайный знак.

Меня часто увлекает эта фантазия, хотя в итоге остается только чувство вины и упреки. Себе, маме. А их и без того уже немало накопилось.

И все равно не унимаюсь, не могу ничего с собой поделаться. Как болячка, которая нестерпимо чешется, а расчесывать нельзя.

Я верчу в руке ветхую бумажку, играюсь. Что бы я написала?

«Бойтесь волков в овечьей шкуре»?

«Никому не верь»?

«Беги»?

Что, если все это – ужасная ошибка? Что, если он и вправду невиновен? Согласилась бы я пожертвовать самым счастливым периодом в своей жизни?

Думаю, да. Нет.

Боже! Неудивительно, что у меня все трещит по швам.

Провожу пальцем по маминым письмам. В горле стоит ком, и я чувствую, как внутренний черный пес готов сорваться с цепи. Фантом, затаившийся в ожидании шанса наброситься и придавить меня к земле. Он крадет у меня время, целые недели. Запирает в моей собственной тюрьме. Высасывает энергию, так что мне остается только сидеть, уставившись в одну точку.

В горле стоит ком, но других симптомов не наблюдается; нет того чувства, которое жжет глаза, прежде чем расплачешься. Мышцы не наливаются свинцом. Нет апатии.

Значит, это не начало нового витка депрессии. Я не стану замыкаться в себе. Одна мысль об этом пугает меня до смерти.

На маминой записке выведено: «Есть только сейчас».

Может, это знак, но я не тороплюсь звонить. Решиться – одно, действовать – другое. То же с прощением.

Я жду, когда мы с Бастером закончим обед, за которым он ест за нас двоих. У меня совсем пропал аппетит. Хотя какие-то плюсы. Наверное. С тех пор как мне стукнуло тридцать, контролировать вес стало сложнее.

Тянусь к телефону, ищу в письме номер тюрьмы. Мешкаю, но все же беру трубку, прикрываю рукой глаза.

Нет, не могу. Комок в горле начинает душить.

Завтра, думаю я, вставая. Прикидываю, не слишком ли ранний час для вина. Всего бокал, чтобы немного расслабиться.

И тут краем глаза вижу: «Есть только сейчас».

Стискиваю зубы, делаю глубокий вдох, набираю номер.

Когда берут трубку, мне уже не хватает воздуха, словно я взбежала по лестнице, а не просидела последние два часа в нерешительности за кухонным столом.

Ненавижу себя за то, что по-прежнему позволяю Мэтти задевать меня за живое. Я уже взрослая, столько лет провела, бегая от прошлого, и все же любая мелочь напоминает о нем...

Галстуки-бабочки. Отпечатки ног. Оброненная сережка. Прошрое – это не неведомая страна. Это камера пожизненного заключения без права на досрочное освобождение.

По ночам мне слышится шепот – убитые женщины зывают ко мне. Чаще всего голос совсем детский. Девочка говорит зло, обиженно. «Почему ты не сделала этого раньше? – спрашивает она. – Тогда я была бы жива. У меня тоже была мама. Каково, по-твоему, ей приходится?»

Иногда она совсем жестока. «Почему я? Чем ты такая особенная?»

Я сама себя об этом спрашиваю. Все время.

Голос на том конце провода оживает, стоит мне упомянуть его имя. Магнетизм дурной славы.

– Мэтти Мелгрэн?

– В какой день я могу подойти? – Я словно планирую визит к стоматологу.

Стучит клавиатура, в трубке цокают языком.

Я думаю о девочке с Хогарт-роуд и о том, что, по слухам, он сделал с ее языком. Нет такой стены, которой можно было бы отгородиться от прошлого.

– Вам необходимо прибыть за полчаса до назначенного времени. Возьмите удостоверение личности: паспорт или водительские права, – инструктирует секретарь. – И четвертак для камеры хранения. Вторник. Четыре тридцать.

Это не вопрос. Меня не спрашивают, удобно ли мне.

Как обычно, все козыри на руках у Мэтти.

Глава 5

Я просыпаюсь от звуков выстрелов. Показалось. Это рев автомобиля. Я в Лондоне, а не в Бостоне. Никаких пистолетов. Очень безопасно, думали мы.

Ранняя осень. Воскресное утро. Британская ранняя осень, уточняю я для самой себя.

– Теперь мы в Англии, – не устает напоминать мама, словно об этом возможно забыть. – Ты никогда не почувствуешь себя здесь как дома, если не избавишься от американского акцента.

– Это не дом, – упрямлюсь я. – И еще у меня живот крутит; я, кажется, заболела.

– Ага. Сегодня, значит, живот?

С тех пор как я поступила в школу Хэмпстед-Холл, у меня все время «болело» то одно, то другое. Про себя я звала ее «Хэмпстед-Хелл», настоящий ад. Даже пробовала грызть ногти, чтобы подхватить ленточного червя, но, вопреки мрачным обещаниям бабушки, все мои попытки чем-нибудь заразиться и отвертеться от учебы провалились.

Ужасно быть новенькой. Найди десять отличий.

Дети потешались над моим акцентом. Прозвали меня Янки. Спрашивали, не приходится ли Рональд Макдоналд моей матери мужем.

– К вашему сведению, она не замужем.

Тогда Янки превратилось в Нагулянное Помоище.

Рифмованный кокни-сленг⁵: «Янки – помои в лоханке».

Ну а дальше дело за малым.

– А ну возьмите свои слова обратно! – рычала я, сжимая кулаки.

– С чего бы? Сама сказала, что у тебя нет отца.

В те времена в Британии неполные семьи были в диковинку. Не то что сейчас. К тому же, как водится у детей, у этих школьников в костюмчиках нюх на болевые точки. Стоило им почуять слабинку, в них просыпалась жажда крови.

– Видела, как она смотрела на нас с отцом, когда он привез меня сегодня утром?

– Ей пришлось подарить открытку на День отца своему деду.

– Вот неудачница.

– Сами вы неудачники. И вы, и ваши тупые папаши.

Это я и пыталась буквально вбить в их головы, но они превосходили меня числом и знали, как ударить словом крепче, чем кулаком. К тому же слова не оставляют видимых следов, за которые может прилететь. Бабушку это впечатлило бы.

Меня вызвали к директору и передали записку для мамы. Через два дня – еще одну.

⁵ Кокни – самый известный из просторечных говоров Лондона, для которого очень характерны рифмованные саркастические «определения» привычных слов, которые затем подвергаются различным трансформациям (один из популярных примеров: «morning – day's a-dawning», что можно перевести как «рассвет – солнцу привет»).

Моя учительница – божий одуванчик с весьма неподходящим именем мисс Бекон – по одному вызывала нас к своему столу и возвращала проверенные работы.

– Очень хорошо, Аллегра.

– Прекрасный образный язык, Юджин.

Когда очередь наконец добралась до меня, мисс Бекон молча, даже не улыбнувшись, протянула мне листок, весь исчерканный красным. Она исправила все слова, которые я написала на американский манер. Где-то не хватало букв, в других буквы были не те.

Учительница покачала головой и хмыкнула точно, как моя бабушка.

– Ты не в первом классе, Софи. Тебе не положено делать такие глупые ошибки. В *color* должна быть «u» перед «r»⁶. И так далее.

Я вежливо объяснила, что умела читать уже в три года, а в своей школе получила медаль на конкурсе правописания.

– Это не ошибки, – подытожила я.

Мисс Бекон нахмурилась так, что брови сошлись на переносице, а вертикальные морщинки у рта обозначились еще четче.

– Ты со мной споришь?

Я чувствовала, что ребята за партами не сводят с меня глаз. Некоторые гадко ухмылялись. Я высоко подняла под-

⁶ «Colo(u)r» – англ. «цвет», «окраска»; один из примеров разницы между британским и американским правописанием.

бородок и попробовала снова...

– Просто говорю. Я умею писать по-английски.

Никому из нас и в голову не пришло, что возможны два способа.

Мисс Бекон сжалась, сощурила черные, как паучки, глаза. Поинтересовалась, учат ли хорошим манерам там, откуда я родом.

– Этому учат не в школе.

Рот у нее вытянулся в ниточку.

– Я напишу записку для твоей мамы. Должна сказать, что очень разочарована твоим поведением, Софи.

«А я – вашим», – подумала я. Учительница, а не знает, как пишутся простейшие слова.

– Ты что-то сказала?

– Нет.

Поначалу не было ничего подозрительного. К тому же начало еще ни о чем не говорит. Если что-то идет как по маслу, не значит, что все хорошо закончится.

* * *

Солнце пробивалось сквозь жалюзи и озаряло комнату масляно-желтым светом. Я потянулась под одеялом, раздувая о том, нужно ли подняться и посмотреть мультфильм «Сумасшедшие гонки» или остаться нежиться в кровати.

Накануне мама задержалась после работы – где-то гуляла

со своей коллегой Линдой, единственной подружкой, которая у нее появилась со времени переезда в Лондон. Не будь Линда такой настойчивой, сомневаюсь, что мама вообще завела бы друзей.

Мама никогда не была особо общительной. «Мне и одной не скучно, вот и все», – объясняла она. Поначалу мамы моих одноклассниц звали ее на утреннюю чашечку кофе, но, получая отказ за отказом, сдались и больше никуда не приглашали. Подозреваю, что мама была только рада.

– Помнишь, что тебе советовал доктор Норман? Негоже все время проводить в одиночестве, – поучала ее бабушка.

Я не могла с этим не согласиться. И благотворное влияние Линды было очевидно. Даже мама говорила, что подружке удастся «вытащить ее из панциря».

Не знаю, что там с панцирями, но дамочка была та еще болтушка.

Борясь со сном, я прислушивалась, не вернулась ли мама. По вечерам она почти всегда была дома, а если уходила, то я мучилась беспокойством. Если с ней что-нибудь случится, хоть кто-то додумается мне сообщить?

Насколько я знала, во всем Лондоне только у Линды был наш номер телефона, и она же была единственной, с кем гуляла мама. Неутешительные факты.

– Пойдем расслабимся, – щебетала Линда, когда они уже собирались выходить.

– Давай, – соглашалась мама.

В ее тоне чувствовалась фальшь. Меня это не удивило. Перспектива «расслабиться» едва ли воодушевляла маму. Что может быть скучнее?

Я уже потирала глаза и вглядывалась в часы на прикроватном столике. Пузатый зеленый шар с глазами на макушке и светящимся циферблатом мне подарили за то, что я научилась определять время по стрелкам.

Прошла минута, другая, третья... Я снова начала проваливаться в сон, когда скрип из соседней комнаты заставил меня замереть, сковал леденящим душу страхом. Шаги. Слишком тяжелые шаги. Не мамины.

Я на цыпочках пробралась к двери, сжалась, задержала дыхание. Медленно-медленно опустила ручку, чтобы не выдать себя случайным звуком. На самую малость приоткрыла дверь, чтобы хоть что-то увидеть.

У дивана стоял мужчина – я отметила его светлые волосы, кашемировый свитер и коричневые туфли-оксфорды⁷. Незнакомец изучал расставленные на журнальном столике фотографии, брал в руки одну рамку за другой, рассматривал и аккуратно ставил на место. В его движениях было что-то методичное, неспешное. Непринужденное.

Я решила, что грабителя семейные фото не заинтересовали бы, да и не стал бы он вести себя так по-хозяйски.

⁷ Оксфорд – покрой обуви, при котором центральная верхняя часть (союзка) нашивается поверх боковых (берцов); здесь, скорее всего, имеются в виду оксфорды с характерной узорной перфорацией – броги.

Пульс вернулся в норму, дышать стало легче, и я широко отворила дверь.

– Вы кто?

Он обернулся и улыбнулся так приветливо, словно только меня и ждал.

– Привет, Софи.

Я смутилась, но спокойствие в его голосе передалось мне.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Мы с твоей мамой давно знакомы.

У него было открытое лицо, и говорил он точь-в-точь как мой дедушка, отчего сразу напомнил мне о доме.

Пока я стояла в замешательстве, не зная, что сказать, мужчина подошел ближе и вытянул раскрытую для рукопожатия ладонь. Я почувствовала себя взрослой и важной. Непривычное ощущение. Обычно взрослые меня игнорировали или звали «милашкой», как будто я была не девочка, а жадный до внимания щенок.

Пожала протянутую мне руку, большую, теплую.

– Как вас зовут?

– Мэтти. И можно на «ты».

Было в нем что-то знакомое, в глазах, во взгляде.

Гость исполнил незатейливый танец и, дурачась, спросил, как мои дела и люблю ли я ходить в зоопарк, чем снова напомнил дедушку.

Я рассмеялась и последние нотки тревоги исчезли.

– А сейчас я собираюсь испечь твоей маме блинчики. По-

можешь мне?

Блинчики я просто обожала. Среди фотографий на журнальном был снимок из кафешки «Айхоп», где я уплетала целый блинный торт, залитый взбитыми сливками.

– Мама придет?

– Она еще спит. – Он посмотрел на меня заговорщически. – И мы можем сделать ей сюрприз. Что скажешь?

– Хорошо. Она любит блинчики с шоколадной крошкой.

На самом деле я говорила не о ней, а о себе.

Мэтти заулыбался – мол, его не проведешь, – но спорить не стал.

– Договорились, коллега. Шоколад так шоколад. Нам нужны лопаточка, половник и сковорода. Знаешь, где все лежит?

– Уж точно не в гостиной.

Глава 6

После того случая Мэтти стал частенько к нам наведываться, прикатывал на своем черном «Мини Купере» и приответственно махал, пока я выглядывала его в окно. Высовывал язык, хватался за голову или, никого не стесняясь, затевал дурашливый танец прямо посреди улицы.

Мама называла его кривлякой, а мне казалось, что он просто чудо.

– Твоя машина сверху похожа на большого муравья, – как-то раз заявила я, открывая ему дверь.

– А ты похожа на принцессу.

Мэтти поднял меня на руки и подкинул, так что я взвизгнула, хотя за его притворным рычанием и доносящимся из комнаты битловским «Эй, Джуд» этого было не расслышать.

На моменте, когда Маккартни увещевал Джуда не бояться, Мэтти сделал вид, что вот-вот уронит меня.

– Хочешь, чтобы я тебя отпустил?

– Не-е-ет!

В следующий миг я уже на полу, пытаюсь выбраться из его крепких объятий – у нас это называлось «играть в тюрьму». У нас были стоп-слова «потные ноги», но не прибегать к ним было делом чести, и Мэтти это прекрасно знал.

– Сдаешься? Точно? Ты же понимаешь, что теперь я тут главный!

Вытирая руки о кухонное полотенце, в дверях появилась мама. Волосы распущены, большие, как у олененка, глаза горят.

– А меня в свои игры не берете?

Мэтти отпустил меня, подошел поцеловать маму и закружил ее в танце. Я цеплялась за его ноги, чтобы он опять меня схватил, а сама готова была с криком убежать прочь, если он попробует меня поймать. «Не догонишь никогда!»

Я намеренно вела себя как назойливое насекомое. «Вот я! Выбери меня!»

Он встречался с моей мамой, но я его тоже любила. Больше, чем кого-либо другого. Иногда даже больше, чем маму.

* * *

– Чем сегодня занимались мои любимые девочки?

Мэтти клеил нам на окна стикеры охранной компании. Никакой охраны у нас не было, но Мэтти сказал, что наклейки заставят потенциальных грабителей дважды подумать, прежде чем к нам лезть. Он много думал о безопасности и всегда говорил маме вести себя осторожнее. «Одинокая женщина – легкая добыча».

– Мы играли в прятки на Парламент-Хилл, – похвасталась я.

– Надеюсь, ты не закрывала глаза, Амелия?

– Если подглядывать, какой смысл играть? – парировала

мама.

– Это небезопасно. Как знать, кто прячется в кустах?

Мама закатила глаза и неодобрительно покачала головой.

– Хватит драматизировать. Все было в порядке. Вокруг полно народу.

– Преступления происходят не только в глухих переулках.

– Очень интересно. – Меняя тему, она кивнула на пакеты, которые он оставил на столешнице. – Что там такое?

– Стейк. Хотел вас немного порадовать...

Несколькими днями раньше убили Джона Леннона. Мама, как и тысячи других поклонниц, никогда даже не видевших своего кумира, была в трауре. «Выстрел в спину. Каким трусом надо быть, чтобы стрелять в спину?»

– Еще вина прихватил. «Риоха», отборное. Хорошее, должно быть.

Она поцеловала его:

– Мой принц...

Мэтти отвесил поклон, сопроводив его широким жестом.

– Миледи.

– Принцы не кланяются, – вставила я. – Это им должны кланяться.

Он расплылся в улыбке:

– К такому, пожалуй, можно привыкнуть.

– Я открою вино? – Мама уже держала в руках бутылку «Риохи».

– Может, сначала переоденешься в юбку? Грех скрывать

такую фигуру.

Я сделала вид, что меня вот-вот стошнит.

– А ты разве не хочешь выглядеть как леди, тыковка?

Нет, никакого интереса, объяснила я.

Мама была покладистой, старалась угодить. «Я как раз собиралась переодеться».

Мэтти зажал меня ногами, как в тиски:

– Попалась!

– Отпусти!

Он злодейски захохотал:

– Теперь ты моя пленница!

Я брыкалась и отбивалась. Мэтти держал все крепче.

– Вовсе не собиралась она переодеваться! – Я едва дышала от напряжения.

Он сжалился и ослабил хватку.

– Если б не ты, она так и ходила бы в джинсах, как я.

Мэтти промолчал и, слегка улыбаясь, стал разбирать продукты. Я подошла посмотреть, что он купил.

– Ореховый пломбир с зефирками, ура! – С торжествующим видом вытащила из пакета большую упаковку мороженого.

– Твое любимое, да?

В магазине рядом с домом такое не продавалось. Ему пришлось специально ездить в «Баскин Роббинс» на другой конец Лондона, в Голдерс-Грин.

– Спасибо, Мэтти. Ты лучше всех!

Он смутился, пародируя Микки-Мауса:

– О! Божечки! Я даже покраснел.

Вернулась мама. На ней было свободное бело-голубое платье, точно как на принцессе Диане с обложки свежего «Вуманс Оун». Она прислонилась к дверному косяку и внимательно следила за представлением. Большие распахнутые глаза светились любовью.

– Ну и актер вы, мистер Мелгрэн. – Она подмигнула мне. – Или правильно называть вас мистер Маус?

Я переводила взгляд с одной на другого, а в животе у меня порхали бабочки. Это и есть жить с отцом, в настоящей семье?

Снимок моего биологического отца хранился у мамы в ящичке, вместе с газетной вырезкой, вставленной в рамку. Маленькая девочка с фотографии, как объяснила мама, когда-то жила на их улице, но очень рано умерла. Ей было всего три года.

– Зачем ты хранишь ее фото? – удивилась я.

Она пожала плечами, склонила голову набок:

– Чтобы помнить о ней.

– А папину фотографию?

– Наверное, тоже чтобы не забывать.

Я размышляла над значением ее слов. Если она хотела вспоминать о нем, то, может, хотела снова быть с ним?

– Раньше фото висело на стене?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

Я указала на следы от кнопок.

Она только улыбнулась загадочно и обещала объяснить, когда я подрасту. Интересно, когда я подрасту, станет ли мне понятнее, почему он от нас ушел?

Отец не звонил и даже не думал нас навещать. Год за годом в свой день рождения я загадывала одно и то же, но желание никогда не исполнялось.

Я решила, что он обо мне позабыл и живет новой жизнью. Завел семью и любит их сильнее, чем нас. Много позже выяснилось, что дело было совсем не в этом, хотя детали той истории так и остались загадкой.

Тем не менее папино фото исчезло из выдвижного ящика примерно в то время, как в нашей жизни появился Мэтти. Я не задавала вопросов, рассудив, что мама, вероятно, его просто выбросила. Оказалось, что она тоже удивилась пропаже, однако решила, что от фото избавилась я. Никто и не подумал на Мэтти.

– Пора в кровать, юная леди.

Мэтти снова со мной боролся, а мама пыталась отправить меня спать, чтобы он принадлежал только ей. Она очень старалась вести себя спокойно, чтобы впечатлить Мэтти, показать, какая она хорошая мать. Я тоже не хотела ударить в грязь лицом.

– Я совсем не устала.

– Уже поздно. Пора спать, Софи.

– Еще нет.

Мэтти сообразил, как прекратить этот спор:

– Давай я расскажу тебе историю?

Я расплылась в улыбке, усердно качая головой, как игрушечные собачки на задней полке автомобиля.

Мэтти был потрясающим рассказчиком. Сумасшедшие приключения с драконами и монстрами, запертыми в башнях златокудрыми принцессами и их спасителями, смелыми рыцарями, такими как сэр Матталот, на крылатых конях.

– Не надо потворствовать ее капризам, Мэтти. Софи должна научиться делать, как ей велено.

– Ты уже слышала историю о принцессе Софи и Роковой горе? – спросил он, игнорируя мамино замечание.

– Нет. Расскажи! Расскажи! – Я хихикала от радости, что он занял мою сторону. В этом Мэтти мне никогда не отказывал.

– Отлично, это замечательная история.

Он взвалил меня на плечи и отнес в комнату; мама, поджав губы, проследовала за нами, всем своим видом выражая глубокое неодобрение. В этот момент она была как две капли воды похожа на бабушку.

– Давным-давно жила прекрасная принцесса...

– Ее звали Софи?

– Вы знакомы? – Он поднял меня вверх ногами, удерживая за щиколотки.

– Хватит, Мэтти. Ее вырвет.

С тем же успехом она могла обращаться к бездушной сте-

не.

– Принцесса Софи – прекраснейшая из принцесс, – сказала я, чтобы он это хорошенько запомнил.

– С самыми потными ногами.

Я чуть не описалась от смеха!

Мэтти Мелгрэн. Мой герой.

Он устраивал нам вылазки в Риджентс-парк и на ярмарку в Хэмпстед-Хит. По воскресеньям, пока мама еще спала, играл со мной в лудо⁸ и готовил вафли. Заваливал меня подарками и возил в Голдерс-Грин за тем самым мороженым с орехами и зефирками.

Я его любила. А он убивал.

Так говорят.

С сайта Debate-it.com

Может ли Мэтти Мелгрэн быть невиновным?

Барри Олтман, самозанятый, есть внуки

Если Мелгрэн невиновен, то Земля плоская, а сайентология – единственная верная религия. Вся эта история нужна только для того, чтобы подогреть общественный интерес перед выходом на экраны

⁸ Лудо – стратегическая настольная игра с игровой костью и фишками.

«Маски на все случаи». Я-то ни в коем случае не стану смотреть фильм, в котором из страшного маньяка делают героя.

Мэтти Мелгрэн – манипулятор и психопат. Он пользовался чужой болью, втирался в доверие, притворялся самым обычным парнем. Посмотрите «Сеансы с психопатом», обратите внимание на его глаза, когда ему задают вопросы о жертвах. Этого достаточно. Не человек, а чистое зло.

Чарльз Фултон, *скептик, любитель документальной криминалистики*

Я искренне считаю, что он может быть невиновен. Если изучить протоколы заседаний, становится очевидно, что все собранные против него улики – косвенные. К тому же свидетели в своих показаниях расходятся относительно его внешности и обуви.

Мне не дает покоя мысль: а что, если следствие ошиблось? Что, если это не он?

И главное, он выразил соболезнования семьям:

«Погибшие – не единственные жертвы ужасных преступлений, их близким тоже пришлось очень и очень тяжело. По-своему их боль даже сильнее, ведь этому страданию нет конца. Однако наказание невиновного едва ли прекратит их мучения».

Разве может так сказать злодей? Не думаю.

Глава 7

– Не похоже, чтобы...

Мама беседовала по телефону с бабушкой. Я подслушивала по второму аппарату, ловя обрывки разговора о кошмарах, которые преследовали меня с тех пор, как мы переехали в Лондон. Поначалу мама разрешала мне спать с ней, однако когда Мэтти оставался на ночь, мне в ее спальне места не было.

– В кровати втроем тесно.

Мэтти подвинулся, чтобы я могла лечь.

– Да ладно, Эми. Я потеснюсь.

Мама была непреклонна:

– Софи уже большая, ей нужно спать отдельно.

– Я буду вести себя тихо-тихо, ну пожалуйста...

– Нет. Я сказала, марш в кровать.

– Но мне одной страшно...

– Хочешь, я посижу с тобой, пока ты не уснешь? – предложил Мэтти, уже вставая.

– Споешь «На Рэглан-роуд»?

Ирландская народная песня о заколдованных тропах и смелости перед лицом опасности. Когда-то давно, в Ньюто-не, мне пел ее дедушка.

– Конечно. Поверь, ты даже не заметишь, как засопишь.

– Я не соплю.

– Твоя мама тоже так говорит, а сама храпит громче, чем надвигающийся поезд.

– ...Кошмары снятся, когда мозг борется со страхом, – говорила в трубке бабушка. – Софи что-то напугало?

Что-то в ее тоне меня задело, но я не могла понять, что именно.

Мама начала было отвечать:

– Нет, конечно, нет... – Она оборвала себя на полуслове. – Софи Бреннер, ты опять подслушиваешь?

– Нет.

– Положи трубку. Сейчас же.

Той ночью кошмар повторился. Подземелье. Дракон. И никого, кто услышал бы мои крики.

Я проснулась, сердце бешено колотилось, пижама промокла от пота. Темнота в комнате искажала очертания предметов, так что кошмары становились явью. Ветка за оконным стеклом превратилась в скрюченный ведьмин палец. Сваленная на стуле одежда казалась сторбившимся чудовищем.

– Это просто дерево. А это всего лишь стул, – шепотом повторяла я по ночам, как мантру.

Но как проверить, что под видом обычных вещей не скрываются монстры?

Не хватало воздуха, меня трясло.

– Просто дерево. Просто стул. Просто...

Я замерла, затихла, как неживая, вся обратившись в слух. Что это?

Шорох за дверью. Кто-то очень старался двигаться бесшумно.

Сердце забилося громче, как и доносившийся из коридора звук. Я хотела к маме, в тихую гавань ее объятий. Но как добраться до нее и не угодить в лапы чудовищ?

Господи...

Я сделала глубокий вдох, заставила себя подойти и приоткрыть дверь. Мышцы напряжены до предела, адреналин зашкаливает.

– Это ты?

Плечи у меня безвольно опустились, тело обмякло и налилось свинцом. В носу что-то защекотало, предвещая подступающие слезы.

Мэтти скрючился у окна; рукава рубашки закатаны до локтя, в неверном свете уличных фонарей виднелась глубокая багровая царапина.

– Ты поранился?

В воздухе послышался едва уловимый запах одеколона. Такого не случалось ни до, ни после. Он никогда не пользовался парфюмом.

Мэтти приложил палец к губам.

– Не рассказывай маме, чтобы не переживала.

Я закатила глаза. «Еще бы!»

– Ей только дай повод поволноваться.

Было приятно знать, что у нас есть от мамы секрет. В нашем тайном клубе было всего два посвященных.

– Принести пластырь?

– Возвращайся лучше в кровать. Не будешь спать – не вырастешь, тыковка.

Я совсем забыла об этом случае, пока четыре года спустя полицейские не принесли фотографии. К тому времени секрет Мэтти уже перестал быть секретом.

Глава 8

Мама сидит на коленях на полу у кофейного столика. Перед ней полная обувная коробка фотографий. Мама внимательно рассматривает фото за фото, отвлекаясь, только чтобы сделать глоток джина. Запах алкоголя различим еще от двери. Можжевельник. Лимон. Сосна. Запах моего детства. Детства после него, хотя настоящая беда исходила от таблеток, которые она называла «маленькими мамиными помощниками»⁹.

Мама пыталась скрывать от меня свою зависимость, но это плохо удавалось. А лишившись работы, она сдалась и перестала даже делать вид, что все в порядке. Признала проблему, но отказывалась хоть что-то предпринимать.

– Я такая трусиха, что не решусь покончить с собой, – сказала она однажды. – Эти таблетки лучшее, что я могу придумать. Жаль, что забытие наступает так медленно...

Мне исполнилось четырнадцать. Мэтти уже год как сидел в тюрьме. Мама была сама не своя куда дольше.

– Не суди ее слишком строго, – просила меня Линда, когда мы наводили порядок, пока мама спала под воздействием то ли таблеток, то ли алкоголя. – Она одна из самых смелых людей, которых я встречала.

⁹ Аллюзия на знаменитую песню группы «Роллинг стоунз» «Mother's Little Helper».

Я думала о женщине, лежавшей в отключке в соседней комнате.

– Смелая? С чего ты взяла?

Линда опустила на пол мешок, в который собирала мусор, утерла лоб тыльной стороной ладони.

– Она отказалась от всего, чтобы начать с чистого листа, построить лучшую жизнь для вас двоих. Оставила семью и переехала за океан. Без мужа, без денег. Ей не на кого было положиться. Это требует большой смелости.

Я посмотрела на хлам, на бардак, в который превратилась наша жизнь.

– Не лучшее решение. Поменяли шило на мыло.

Линда сжала губы и посмотрела на меня полным сочувствия взглядом.

– Все наладится, обещаю.

Хотелось бы, но я не могла разделить ее оптимизм.

– Ты даже не представляешь, каково это, – сказала мама тем же вечером. – Какое это безмерное чувство вины. Как набитый камнями рюкзак, который я вечно ношу за спиной и не могу снять.

– Ты не могла знать, чем он занимается. Ты не виновата.

– Весь мир думает иначе. Стоит мне выйти на улицу, как со всех сторон на меня смотрят и показывают пальцем. Вчера в магазине какой-то старик остановил меня, чтобы сказать, что мне должно быть стыдно.

– А ты что ответила?

– Что мне действительно стыдно.

Мама не поднимает головы, хотя знает, что я здесь. Я наблюдаю за той хрупкой женщиной с огромными глазами и прозрачными запястьями. Ветер поднял бы ее и унес, как пушинку.

– На что смотришь? – Дежурный вопрос, ответ на который мне и без того известен. Эту коробку частенько вытаскивают на свет.

– Как думаешь, он нас хоть когда-то любил?

Сколько еще раз мы будем вести этот разговор?

– Не думаю, что такие, как Мэтти, способны любить.

Она качает головой, давая понять, что ей виднее.

– Как он мне улыбался... С каким теплом смотрел... Разве можно такое подделать?

– Разве нет?

Глубокий, из самых глубин души, вздох.

– Не знаю. Может быть, и так. Все казалось правдой. Слова, дела, каким он был со мной. С нами.

– Правда в том, что он нам лгал.

Мама снова качает головой – в этот раз так, будто несет на себе всю тяжесть мира.

– Каким он мог бы стать... Ужасная трагедия. Помнишь, что сказал судья?

Помню ли? Как можно забыть? Об этом напоминают в каждой документалке о Мэтти, в каждом фильме, в каждом подкасте.

«Вам открывалось такое прекрасное будущее... Все это очень печально, мистер Мелгрэн».

Кому какое дело до его жертв? Кто помнит о насилии? О семьях, которые никогда не будут прежними? Мать Оливии Пол до сих пор на ночь оставляет свет на крыльце в надежде, что ее малышка наконец-то вернется домой. Семья Лидии Деваль до сих пор не похоронила свою дочь.

Тем не менее замечание судьи точно схватывает проблему. У Мэтти был козырь в рукаве: он выглядел самым обыкновенным человеком. Таким, как ваши коллеги. Приятели, с которыми можно пропустить стаканчик. Такого не зазорно представить своим родителям.

Личина нормальности. Ни фотографиям, ни показаниям свидетелей не удалось сорвать с Мэтти эту маску.

«У меня до сих пор есть сомнения, что он мог такое сотворить».

«Он совсем не похож на убийцу».

«Он такой приятный и милый».

Во время процесса Мэтти не скупился на интервью, оспаривал обвинения, заявлял о невиновности, подавал апелляции. От всего этого меня мутило, но в то же время его поведение вселяло надежду. Как будто ангел и демон, сидящие у меня на плечах, нашептывали каждый свое.

Я лелеяла в себе сомнение, не могла стерпеть мысли, что он виновен. Несмотря на свой поступок. Несмотря на то, что случилось бы, если он ни при чем.

Мне не хотелось, чтобы все мое детство оказалось одной большой ложью, чтобы любовь к единственному мужчине, который ее заслужил, обернулась ненавистью. Я не хотела потерять отца, которого у меня никогда не было.

Маме со мной нелегко, хотя на самом деле мы очень похожи. Даже сейчас, столько лет спустя, я пытаюсь собрать разрозненные кусочки в понятную картину, все еще роюсь в прошлом. Не могу отпустить.

Вот, наверное, для чего я должна его увидеть. Мне нужно получить ответы, пока не поздно.

Я готова за них заплатить. И заплатить наверняка придется немало.

Глава 9

Любовь не купить. Привязанность бесценна.

Леденцово-розовый стикер с выведенной золотым маркером надписью.

В первый год отношения мамы и Мэтти были идеальными, сказочными, само совершенство. Он кружил ее в танце по комнате, и они в два голоса пели «Люблю тебя от и до». Он делал сюрпризы, дарил цветы. Приносил завтрак в постель. «Не мог разбудить такую красавицу».

Постепенно, с неизбежностью, с которой наступает прилив, все перевернулось. Подкрадывается незаметно, захватывает сантиметр за сантиметром, а ты и не замечаешь подступающей воды, пока не обнаружишь, что шорты промокли, а песочный замок превратился в бесформенную грудку.

Напряжение нарастало. Непринужденные разговоры сменились неловким молчанием. Они редко улыбались и все чаще хмурились.

Мы с Мэтти по-прежнему веселились, он держал меня, а я выбиралась из «тюрьмы», но маме эти игры разонравились. Если поначалу она приветствовала наши забавы, то теперь нервничала и едва сдерживалась, чтобы не выйти из себя. То, что веселило Мэтти, убивало в ней всякую радость и пробуждало недоброе.

– Ты же не ребенок. – Ее голос звучал резко. – Хватит.

А если это не срабатывало, то она командовала:

– Пора накрывать на стол, Софи. Я не буду просить дважды.

– Не будет просить дважды? Вот и отлично, да, тыковка?

– Мэтти, ты делаешь только хуже. Софи, подойти и сделай, что велено.

Почему она так часто ворчала? Почему ей обязательно нужно было отравлять нам веселье? Что изменилось? С каких пор она стала такой строгой, превратилась во вторую бабушку?

Я думала, что она его этим отпугнет. Что Мэтти это не понравится. Как можно этого не понимать?

Поэтому от нас ушел отец? Она его сама оттолкнула?

Мэтти навещал нас реже, чем прежде. Обещал заглянуть – и не приходил. И даже когда мы были вместе, что-то в нем будто перегорело. Казалось, что он заставлял себя улыбаться. А если смеялся, то неискренне.

Я винила не только маму, но и бабушку. Я подслушала достаточно их разговоров, чтобы оценить ущерб от ее заразного недовольства.

– Год прошел, и чего ты ждешь, Амелия-Роуз? Ты хочешь нормальной жизни?

– Мне самой сделать ему предложение?

– Нет, конечно. Нужно как-то все устроить. Он, вообще, знает, что ты хотела бы выйти замуж?

– Думаю, да.

– «Думаю, да» мало. Четко говори о своих желаниях.

– Не хочу на него давить.

– Так и будешь играть в семью даже без кольца на пальце? – Бабушка цокнула языком, выказывая неодобрение. – Ты спишь с ним, я полагаю.

– Мама!

– Я к тому, что у него нет мотивации. Зачем ему связывать себя узами брака, если ты просто так все ему даешь?

– Я...

– А как Софи? Ты не считаешь, что ей не нужна полноценная семья?

Дело было не во мне. И не в бабушкиных представлениях о приличном и неприличном. Просто ее охватила свадебная горячка, от которой тогда лихорадило весь мир.

У бабушки не было паспорта, и она не выбиралась никуда дальше Нью-Йорка, что, однако, не мешало ей обожать британскую королевскую семью. Когда намечалась свадьба принца Чарльза и Дианы, бабушка ужасно разволновалась. Эмоции бурлили, как извергающийся вулкан из соды и уксуса, который я подготовила для школьной научной ярмарки.

– Мы с отцом будем смотреть трансляцию по телевизору, – срывающимся от восторга голосом сообщила она маме по телефону.

– Церемония начнется в пять утра, – донеслось бурчание дедушки. – В потемках.

Бабушка не унималась:

– Ты слышала, что платье обошлось в девять тысяч фунтов стерлингов? Девять. Тысяч! – Даже не видя ее, я могла представить, как она качает головой. – Они еще купили запасное на случай, если с этим что-то случится.

О платье принцессы Дианы мне было известно все, и даже больше. Я вела особую тетрадку с вырезками из журнальных заметок о грядущем бракосочетании, собирала мельчайшие подробности о торжестве – от количества подружек невесты до формы бусинок на атласных туфлях цвета слоновой кости.

Не помню, почему Мэтти не присоединился к нам, когда мы смотрели трансляцию. Нет, он не мог быть занят на работе, по всей стране был выходной, но к нам он пришел только вечером, когда по телевизору повторяли лучшие моменты дня.

– Какая красота! – мурлыкала я от восхищения.

Учитывая, что мне были совсем не близки всякие женские штучки и я не проявляла никакого интереса к моде, королевская свадьба на удивление захватила мое воображение.

Мэтти хрустел конфетами «M&M's» из общей тарелки на журнальном столике, закидывая их в рот целыми пригоршнями. Когда я попробовала ему подражать, тут же получила замечание от мамы.

– Красота поверхностна, главное – внутри, – философствовал Мэтти.

– Мама всегда так говорит.

Он легко сжал ее колено:

– Твоя мама – мудрая женщина.

Дешевое сюсюканье, но ей было приятно; она поцеловала его в щеку и одарила нежной улыбкой.

– Диана прекрасна, – упорствовала я. (Раз, два, три, на меня смотри!) – Это видно по глазам.

– Разве? Твои глаза намного красивее.

Я ткнула его под ребра.

– За что? – Мэтти погладил якобы ушибленный бок. – Я же тебе комплимент сделал.

– Скорее себе. У меня такие же глаза, как у тебя. Даже по форме.

Он просиял:

– Какие мы с тобой красавчики!

Еще один тычок под ребра, так что он охнул. Вот и замечательно.

«Последняя карета останавливается перед ступенями собора Святого Павла. Двери открываются, и мы впервые видим платье принцессы по всем великолепии. Она выглядит сказочно...»

Я собрала из миски остатки попкорна.

– Больше не будут называть ее Леди Ди.

– Софи, не разговаривай с набитым ртом.

Замечание, естественно, исходило от мамы.

Мэтти подмигнул мне. Он всегда был моим союзником в войне за хорошие манеры.

– Леди Ди. Зловещее прозвище¹⁰, если вдуматься, – размышлял он.

– Что значит «зловещий»?

Мама хмыкнула:

– Значит, что Мэтти непонятно что взбрело в голову.

– Зато я точно знаю, что у вас в голове – шоколад и попкорн. Правда, тыковка?

Репортаж о свадьбе наконец-то сменился местными новостями.

«У Риджентс-Кэнэл неподалеку от Хэмпстед-роуд найден труп обнаженной молодой женщины...»

– Рядом с Хэмпстед-роуд? – шепотом повторила я.

В километре от нашего дома. Мы втроем только вчера ходили туда за мороженым.

«В 6:30 утра убитую обнаружил местный житель, совершивший пробежку. Труп был частично скрыт листвой, которую, вероятно, разметали недавние сильные ветра. Женщина в возрасте 18–20 лет, вероятно, мертва не менее трех недель и еще не опознана. Место, где нашли труп, оцеплено, полиция ищет свидетелей».

– Это только начало, – сказал Мэтти. – Вот увидите.

Он будто хвастался, или мне это сейчас так кажется? Знание обо всем, что случится потом, окрашивает мои подлинные воспоминания.

¹⁰ «Lady Di» в английском языке произносится так же, как «Lady Die», что означает «Леди, умири». – Прим. перев.

Как наставляет Дженис, память обманчива, и полагаться на нее нельзя.

Мама метнула на Мэтти недоуменный взгляд:

– С чего ты взял?

Вопрос прозвучал жестко, с укором.

Он подался вперед, поочередно оглядел нас с мамой и, хотя никто не мог нас подслушать, понизил голос:

– Никому не рассказывайте, но мой знакомый полицейский, который работает с такими делами, сказал, что эту женщину задушили ее собственным чулком. Чулок завязали на шее в пышный бант, как на рождественском подарке.

Мама пронзила его взглядом, в котором безошибочно читалось «не при детях!». Мрачнее тучи, губы сжались в тонкую полоску.

– Что значит «это только начало»? – Мне очень хотелось все знать.

Как консультант, помогающий людям, пережившим потерю близкого, Мэтти прекрасно разбирался в психологии. «Эксперт по темной материи», – шутил он.

– Фетишизм и уровень агрессии в этом нападении указывают на убийцу особого рода, – ответил он, обращаясь скорее к маме, чем ко мне. Взрослые все время так поступали, хотя от него я ожидала другого. Потому попробовала еще раз.

– Особого рода – это как?

– Значит, он уже убивал и будет убивать снова. Этот человек получает удовольствие от преступлений, он одержим.

Мэтти не произнес «серийный убийца». Специальный термин тогда еще не появился. Оставалось совсем чуть-чуть.

Глава 10

Я не понимала, как Мэтти может быть уверен, что убийца нападет снова, но он оказался прав. Убийство на Хэмпстед-роуд было только началом.

В потерпевшей опознали Шерил Норт, восемнадцатилетнюю бродяжку, прибывшую в Лондон из Ливерпуля в поисках лучшей жизни всего за полгода до трагической кончины.

– Точно как Дик Уиттингтон¹¹, – заметила мама.

– Дику Уиттингтону не проломили череп, – возразил Мэтти.

Я удобно устроилась на диване и смотрела «Смурфиков», положив ноги на колени Мэтти, а тот перебирал мои пальчики: «Этот пальчик – в лес пошел, этот пальчик – гриб нашел...»

– Сделай громче, – скомандовал он, когда после мультфильма начался выпуск новостей.

Я замешкалась; Мэтти забрал пульт и прибавил звук сам, не дойдя до мизинчика.

«Шерил, как и я, приехала в Лондон искать работу, – рассказывала женщина, наполовину завернувшись в спальник и обхватив колени руками. – Пока не приедешь, думаешь, что

¹¹ Отсылка к средневековой народной сказке о Дике Уиттингтоне, отправившемся с котом в Лондон, чтобы заработать состояние, и трижды становившегося лордом-мэром столицы (имеет реального прототипа). – *Прим. перев.*

здесь все иначе, что тут открываются большие возможности. – Горький смешок. – А выходит все не так, как по телеку».

Камеру перевели на репортера с лохматым микрофоном. На фоне показалась станция «Юстон», на которую приехал поезд Шерил в Лондон. Первую ночь она провела в хостеле. Через две недели деньги закончились, и она оказалась на улице.

«Все больше молодых людей каждый день приезжают в Лондон в поисках новых возможностей. Однако в городе, где и без того два с половиной миллиона безработных и место найти нелегко, они только пополняют печальную статистику. Приезжие становятся легкими жертвами, их нещадно эксплуатируют, да и жизнь здесь все опаснее».

– Мэтти, переключи. Сейчас начнется «Джим все починит».

Обычно он потешался над ведущим, которого называл «пугалом»: «С этим мужиком что-то не то, и дело не в прическе». Но сегодня Мэтти только предостерегающе поднял палец – мол, не мешай.

Я фыркнула и пнула столик, но он и бровью не повел.

«Также в марте пропала без вести Оливия Пол, студентка из Северного Лондона, внешне очень похожая на мисс Норт».

На весь экран показали фотографию улыбающейся девушки лет восемнадцати-девятнадцати с вьющимися воло-

сами.

– Думаешь, ее тоже убили? – поинтересовалась я у Мэтти. Он приподнял левую бровь:

– Возможно.

Не знаю, почему меня застала врасплах его прямота. Он никогда не миндальничал, не смягчал формулировки, но в этот раз что-то в его тоне больно кольнуло.

Мэтти скосился в мою сторону и развел руки для объятия.

– Иди-ка сюда, тыковка.

Секунду назад я готова была заплакать, но от его слов в глазах перестало щипать. От него пахло шоколадом и кедром, и я совсем расслабилась.

Мы немного посидели вдвоем, слушая каждый свое: Мэтти следил за новостями, я – за тиканьем его наручных часов, дыханием, за ним.

«Кэрол, мама мисс Пол, просит дочь выйти на связь и сегодня записала эмоциональное обращение:

– Ливи, я тебя очень люблю. Если ты это смотришь, пожалуйста, позвони мне, скажи, что с тобой все в порядке. Мы обе тогда наговорили лишнего, но видит Бог, я совсем на тебя не злюсь. Только бы ты вернулась домой».

Мы с мамой тоже недавно повздорили.

– Ты сказала, что голодная и тебе нужно положить больше бутербродов. Про то, что продаешь их одноклассникам, ты не рассказывала.

– Ты сама все время говоришь, что мне нужно научиться

вести счет деньгам. На твоих бутербродах с яйцом я заработала пятьдесят пенсов.

– Которые в воскресенье ты отдашь на благотворительность.

Я горела от негодования до обеда. Потом появились другие поводы для беспокойства.

– А ты тоже думаешь, что Оливию Пол убили? – спросила я у матери.

Она замерла над миской, в которую кидала листья салата.

– Кто тебе это сказал?

– Мэтти.

Мама напряглась, сжала губы.

– Ему не следовало так говорить.

Напряжение нарастало.

– Так ты думаешь, она жива?

– Думаю, тебе не нужно об этом волноваться. Ужин почти готов. Руки помыла?

Я хмуро поплелась прочь. Точно решила, кому теперь буду задавать вопросы, а кому нет.

Ссора назревала еще с ужина, и тем вечером, стоя у двери своей комнаты, я прислушивалась к их ссоре с Мэтти.

– Чем ты думал, рассказывая ей об убийстве?

– Это по телевизору показывали.

– Что на тебя нашло?

– Она сама спросила. Мне нужно было солгать?

– Об этом? Да.

– Мне кажется, что детям нужны честные ответы, Эми. Иначе они перестанут тебе доверять.

У меня в груди разлилось тепло. Наконец я могла на кого-то полагаться. Только много лет спустя мне пришло в голову, что именно в этом был его расчет. Я всегда подслушивала, и, зная это наверняка, Мэтти мог разыгрывать сцены специально для меня.

Его прогноз об убийстве тоже оказался верен.

Они с мамой перешептывались на диване, обсуждали сюрприз к моему дню рождения. Я лелеяла надежду, что мне подарят гоночный велосипед, на который вполне прозрачно намекала. Я напрягла слух, но до меня доносилось только какое-то невнятное шипение, похожее на шум волн.

По интонациям казалось, что Мэтти на чем-то настаивал. Мама сидела, сложив руки на груди, и говорила мало.

Он насмешливо взглянул на нее.

– И не говори, что тебя это не порадует, – сказал он обычным голосом.

Оглянулся на меня. Я сидела за кухонным столом в окружении кистей, красок и банок с водой.

– Что делаешь, тыковка?

– Задание по математике.

Не он один умел лукавить.

– Положи что-нибудь на стол, шутница, – сказала мама. – Можешь взять газету, я ее уже прочла.

Я открыла разворот. Взгляд привлек заголовок *«Еще один*

труп в Северном Лондоне».

Оливия Пол?

По спине пошли мурашки, словно по позвоночнику заползали насекомые.

Я украдкой посмотрела на маму, чтобы убедиться, что за мной не наблюдают, и быстро пробежала глазами статью, пока до нее не дошло, чем именно я занята, и она не отобрала газету. В последнее время мама рьяно ограждала меня от новостей. Ее новым любимым словом стало «негоже».

«Сегодня в полиции подтвердили, что труп, найденный в лесном массиве в Хайгейте на севере Лондона, принадлежит школьной учительнице Кэти Энстайн, которая пропала в прошлую пятницу после встречи с друзьями».

Не Оливия. Кто-то другой.

«Мисс Энстайн была найдена обнаженной и жестоко избитой. Горло перерезали так глубоко, что был поврежден спинной мозг. Хотя в полиции подтверждают схожесть этого преступления с убийством Шерил Норт, чей труп был обнаружен у Хэмпстед-роуд, им еще предстоит удостоверить, что в обоих случаях действовал один и тот же преступник».

Под статьей напечатали фото жертвы. Мышцы у меня оде-

ревенели. В животе что-то неприятно заерзло.

Две женщины, ведущие абсолютно разный образ жизни. Раздеты, истерзаны и выброшены, как мусор. Обе маленькие и худенькие с вьющимися волосами до плеч, похожие на пропавшую без вести Оливию Пол.

Больше всего меня напугало другое – обе они невероятно напоминали мою маму. Походили на нее, как родные сестры.

Глава 11

Теперь, оглядываясь назад, учитывая все, что мне сейчас известно, легко решить, что убийства стали моим наваждением. Можно подумать, я только и смотрела новости да знавала подробности местных происшествий.

На самом деле все эти ужасы происходили на задворках нашей обычной будничной жизни. Во всяком случае, сначала.

Но женщины продолжали пропадать, и по округе пополз страх. Об убийствах толковали в очередях. Домохозяйки перешептывались у школьных ворот. Даже учителя без устали твердили нам о том, как важно проявлять бдительность и осторожность. Насчет избегания незнакомцев инструктировали теперь не только малышню.

Маньяк предпочитал хрупких брюнеток с вьющимися волосами, но нападал, только если подворачивалась удобная возможность. Он не выбирал жертв по каким-то признакам — ничто не имело значения, только доступность. Специализировался на тех, кто оказался ночью на улице без сопровождения.

Люди вооружились свистками, носили их с собой повсюду. Перед выходом звонили домой предупредить, что идут. Подходили к двери уже наготове, зажав в руке ключи. Тем не менее, несмотря на все предосторожности, убийца нападал

ВНОВЬ И ВНОВЬ.

Если б он орудовал в конкретном районе или охотился только на определенных людей, полиция, как мне представляется, давно вышла бы на него. Но он был умен и никогда не охотился в одном и том же месте, а на бродяжек нападал не чаще и не реже, чем на респектабельных дам. Любая, окажись она не в том месте и не в то время, могла стать очередной жертвой. В их числе мама – судя по фотографиям потерпевших, убийца предпочитал именно таких.

– Возьми лучше такси, – наставляла Линда. – Одной ходить небезопасно. Особенно сейчас, когда рано темнеет.

Мама только отмахивалась от таких разговоров и отвечала, что не готова вечно трястись за свою жизнь.

Когда в лесопарке неподалеку от Лорд-Крикет-Граунд в Сент-Джонс-Вуд, в пруду на Хэмпстед-Хит и в луже крови на спортивной площадке в Тоттеридже обнаружили еще три трупа молодых женщин, полиция, как обычно бывает в таких случаях, не спешила раскрывать детали убийств. Однако в прессу просочилась одна маленькая подробность: на нескольких местах преступлений остались следы босых ног. Выяснилось еще кое-что.

Жертву, найденную в пруду, опознали как Бренду Марш, шестнадцатилетнюю девушку, которая три недели назад сбежала из дома и пропала. Чтобы тело ушло на дно, маньяк затолкал ей в горло и вагину камни. Он становился изобретательнее и, по утверждению криминологов, не испытывал ни

малейшего раскаяния.

– Кто на такое способен? – спрашивала мама у Мэтти, бросив на меня быстрый взгляд.

– Просто невероятно, да? – чуть ли не с гордостью ответил он. Или мне это сейчас только чудится...

Тем утром мне вручили подарок на день рождения, тот самый, о котором они с мамой шептались на диване. Сюрпризом оказался не велосипед, а белая мышь. Мне было одиннадцать, и я не придумала ей имя оригинальнее, чем Снежок.

Мэтти, улыбаясь, следил за тем, как мышка залезала по моей руке под свитер и выбегала из другого рукава.

– В детстве у меня тоже была мышь, малюсенькая-малюсенькая.

Мама странно на него посмотрела, велела отпустить Снежка и задуть свечи.

– Все правильно, тыковка. Ты же не хочешь подпалить ему шерстку? А теперь загадывай желание.

Когда полиция прочесывала канал, мы с Мэтти развлекались. Он завязал мне глаза платком и спросил, умею ли я играть в жмурки. Повязка оказалась слишком тугой и пахла приторно-сладкими дешевыми духами. Я попробовала ее ослабить, но Мэтти запретил подглядывать. Он раскрутил меня на месте, а затем отпустил:

– Поймай нас!

У меня кружилась голова, тело не слушалось, я сильно ударилась о ножку стола и вскрикнула.

– Ты сделал ей больно!

– Боже, Эми, я же не специально...

Я тщетно стягивала повязку; она давила так, что в глазах сверкали искры. Мама принялась развязывать узел сзади.

– Что за идиотская игра...

– Расслабься, Эми. Давай повеселимся.

– Ничего страшного, – сказала я, отворачиваясь от мамы. – Мэтти, раскрути меня еще.

На этот раз я не проронила ни звука, когда снова ударились.

Тем вечером, набегавшись и наевшись конфет, я не могла уснуть. Лежала и думала, не пойти ли к ним и пустят ли меня с ними посидеть, когда что-то в доносившихся голосах прервало мои размышления.

Мэтти говорил по обыкновению спокойно, а мама, казалось, нагнетает обстановку. Раздражаясь, Мэтти становился очень тихим, включал все свое самообладание. Как родитель обращается к своему несмышленому чаду, говорил терпеливо и сдержанно. Из всех сил старался не вспылить.

Я никуда не пошла и осталась подслушивать, злясь на маму, что целого дня ей было мало и она продолжает наезжать на Мэтти. Неудивительно, что он нас уже видеть не хочет, подумала я и вспомнила об отце. Где он сейчас? Почему ушел? Непонятно...

– Ты прекрасно знаешь мое отношение к браку, – объяснял Мэтти.

– Мне уже тридцать, мама совсем меня замучила, я хочу показать ей...

– Я думал, что встречаюсь с тобой, а не с твоей мамой.

– Ты же меня любишь?

– Конечно, люблю. Разве я это еще не доказал?

– Тогда в чем проблема? Ты понятия не имеешь, каково мне. Что думают люди?

– Так это из-за людей нужно жениться? Из-за того, что они думают? Ты меня удивляешь, Амелия-Роуз.

Амелия-Роуз? Раньше он ее так не называл.

Мне было слышно, как Мэтти прошел к выходу, как щелкнул замок. Он не кричал, не хлопал дверями. Просто ушел.

Тогда мама бросила чем-то об стену. Разрыдалась. И с грохотом захлопнула дверь своей спальни.

Глава 12

Мы гуляем по Парламент-Хилл. Не знаю, почему я так и не смогла уехать из этого района. Чувство вины преследует меня, как привидение, не находящее упокоения.

– Что мы наделали, Софи? – спрашивает мама, в ее бездонных глазах стоят слезы. – Все эти женщины... бедная малышка...

– Мы не могли знать. Он всех обманул.

– Разве? Или он таким не был?

Каждый раз одно и то же. Все разговоры о том, что нам следовало сделать, как мы не распознали, что живем с чудовищем, заканчиваются одинаково: был ли он и вправду монстром? Действительно ли он серийный убийца, на чьих руках кровь всех этих жертв, или за решетку отправили невиновного? Неожиданная развязка, змеиный укус...

Если он ни в чем не виноват, значит, виновна я. Как стыдно! Современный Иуда. Ничего хорошего.

Я должна узнать правду, но подарит ли она свободу? Или зароет меня еще глубже? Мой психолог часто задает такие вопросы, но ответа на них у меня нет.

– Я уже не знаю, кто такой Мэтти, – в который раз объясняю я. – Даже о себе ничего не знаю. Кто я? словно берешь дамский роман и, перевалив за середину, понимаешь, что это вовсе не то, чем казалось, а настоящий ужастик.

На этом моменте Дженис подается вперед, сложив руки на коленях и по-птичьи наклоняет голову. С этой обходительной женщиной с вкрадчивыми манерами и выбивающимися из пучка прядками волос я вижу еженедельно, она меня спасает, как якорь, и все же ее помощь бесполезна.

– Это не его история, Софи, – говорит она. – Ты творишь ее сама, и тебе решать, какой будет финал.

Я ковыряю заусенцы, как обычно, до крови.

– Вы ошибаетесь. Это всегда была его история. Тогда и сейчас.

Дженис предсказуемо возражает, приводит заезженные аргументы под новым соусом, но ей меня не убедить. Газетам и издателям тоже не удалось добиться от меня продажи прав на, как они это называют, «мою версию».

Один особенно назойливый журналист из бульварной газетенки предложил назвать статью «Дочь серийного убийцы. Жизнь с Мэтти Мелгреном». Когда я запротестовала, что не прихожусь ему дочерью, мне было сказано, что того, насколько мы были близки, достаточно. Хотя тест ДНК этой близости не показал бы.

Я заблокировала настырного писаку, но он, конечно, был прав. Именно в этом заключалась проблема, поэтому мне так сложно было пережить вынесенный Мэтти приговор. Он не просто встречался с моей мамой. Он почти стал для меня отцом, другого у меня не было.

Поэтому я не могу отмахнуться от того, что произошло

с теми женщинами, не могу отогнать это воспоминание как нечто чуждое. Я отравлена ядом преступлений, его это рук дело или нет, будто мы один организм.

Дорожка извивается, и нам открывается вид на чуть избыточные в тумане красоты столицы. Волшебный замок возносится к облакам. Лондонское колесо обозрения, деловой квартал Канэри-Уорф, собор Святого Павла, в котором венчались Чарльз и Диана в день, когда обнаружили труп Шерил Норт.

Делаю глубокий вдох и, как меня учили, пытаюсь сосредоточиться на текущем моменте. Холодный свежий воздух пахнет землей и осенью, поют птицы, заходящее солнце, пробивающееся сквозь деревья, подсвечивает желто-красные, словно вымазанные кровью, листья.

Сердце уже не пытается вырваться из груди. Я иду по лужайкам Парламент-Хилл, а рядом, виляя бедрами, трусит Бастер. Проходя мимо собачников, обмениваюсь формально-небрежным «здрассе». Не останавливаюсь. Дальше по тропинке, мимо кафе и детской площадки.

Передо мной беговая дорожка. Сегодня здесь никого нет, а мне все же видятся двое. Молодая женщина чуть за двадцать. Стройная. Темные кудри. И мужчина с золотистыми волосами.

Меня пробирает мороз, волной по телу проходит электричество, волоски на шее встают дыбом. Похлопываю себя по боку и ускоряю шаг:

– За мной, Бастер!

Прошло двадцать лет, а я так и не смогла подойти ближе.

Глава 13

«Утром полиция сообщила, что они занимаются поисками особо опасного преступника, который, как полагают, за последние три месяца совершил не менее шести убийств. Тем временем быстро растет число женщин, пропавших без вести на севере Лондона. Только на этой неделе появилась информация об исчезновении еще двух.

Подробности этой истории расскажет Эндрю Малвени.

Местные жители требуют принять меры, чтобы остановить череду убийств. Женищина, чья квартира расположена в Хагейт, неподалеку от места, где была найдена вторая жертва, сказала, что боится выходить из дома. Мы получили много таких комментариев.

Сообщается, что спрос на услуги такси в Северном Лондоне с июля увеличился на сорок пять процентов. Продажи «тревожных кнопок» выросли втрое.

Из официальных источников известно, что все убитые похожи внешне – брюнетки с вьющимися волосами. Жертвами становятся невысокие молодые женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Однако в полиции подчеркивают, что бдительность должны сохранять все, независимо от внешности.

В Скотленд-Ярде считают, что за всеми убийствами стоит один и тот же психопат. Однако на утренней пресс-

конференции инспектор Гарри Коннор, возглавляющий расследование, сообщил, что нельзя отрицать возможности, что орудуют несколько преступников или подражателей.

Эндрю Малвени, новости Третьего канала, Лонд...»

Мама выключила телевизор и оборвала репортера на полуслове:

– Я запретила тебе это смотреть.

Она крепко стиснула челюсти, как делала бабушка, когда говорила мне не чавкать.

– Тебе нужно найти другую работу. – Я продолжала смотреть в погасший экран, теребя заусенцы.

– С чего бы?

– Так ты будешь ближе к дому. Сама видишь, что творится...

Мама прикусила губу и склонила голову, словно птичка прислушивалась к дождю.

– Да, происходит страшное, но это уже слишком.

– Мама, пожалуйста! Ты возвращаешься в темноте. Так небезопасно.

– Абсолютно безопасно, малыш. Вокруг полно людей.

Неправда. Дорога от работы домой проходила по безлюдным местам, но от моих возражений она только отмахивалась и называла меня трусишкой.

– Может, хоть волосы выпрямишь?

Она засмеялась:

– Только представь, что на это скажет Мэтти.

Да уж, можно представить. По его мнению, волосы были ее самой привлекательной чертой. «Ничего не меняй, Эми».

Я посмотрела на маму, положила голову ей на плечо.

– Тебе тоже страшно?

Она начала было отвечать, но зазвонил телефон.

– Алло!.. Привет, Мэтти.

Они снова разговаривали. Спор, который я подслушала в свой день рождения, отправился на свалку их все менее романтической истории.

– Медовый месяц когда-то заканчивается, Эми, – размышляла Линда. – Сказка проходит, но отношения остаются.

За этим последовала путаная метафора про утопленников и «Скорую помощь».

– Мрачные у нее шуточки, – сказала однажды мама и со смехом добавила, что темная сторона ей нравится. – Эта перчинка делает человека интереснее.

Я раздумывала над словами Линды и пришла к выводу: то, что мама и Мэтти прекратили играть в голубков и стали самими собой, даже к лучшему. Они вступали в новую, более важную и глубокую стадию отношений. Да, я тогда читала много подростковых романов Джуди Блум вроде «Всего семнадцать».

Мама прикрыла рукой телефонную трубку:

– Мэтти приглашает на ланч. Пойдем?

– В «Пиццу Хат»?

– Конечно.

В ответ я подняла большой палец.

В ресторане Мэтти заказал к своей пицце «Суперсуприм» дополнительную говядину, ветчину и пеперони, а потом заполировал все пломбиром с фруктами и сиропом.

– Ты же лопнешь! – Я не могла скрыть восхищения. – Где ты так проголодался? Марафон пробежал, что ли?

– Софи!

– Что?

– Тебе не положено...

Мэтти не слушал маму и наклонился ко мне:

– А ты ничего не съела. В чем дело?

Мама ответила за меня. Эта привычка ужасно раздражала, особенно если учесть, что, когда мне случалось перебить ее, она приходила в бешенство.

– Софи переживает из-за убийств.

– Правда, тыковка?

– Говорят, жертвы похожи на маму, и что, если...

Я не смогла договорить – не хотелось, чтобы они увидели мои слезы.

Они переглянулись.

– И ты переживаешь, что...

– На нее могут напасть.

Мэтти покачал головой, мягко улыбнулся:

– Эти женщины сами подвергали себя опасности, Софи. Ходили по ночам в одиночестве. Вот что довело их до беды,

а не внешность.

– Ты винишь их? Убийца – монстр. По телику сказали, что он настоящий псих.

– Довольно! – Мама осекла меня так, будто я произнесла бранное слово.

Я посмотрела на нее:

– Почему нельзя говорить «псих»?

Мэтти глубоко вздохнул, аккуратно разложил на тарелке приборы и промокнул рот салфеткой.

– Обещаю, тебе не о чем волноваться. С твоей мамой ничего не случится. Он ее не тронет.

Тогда его слова меня успокоили. Сработала детская доверчивость.

Теперь же у меня масса вопросов. Например, как он мог так уверенно заявлять, что мы в безопасности?

Очевидный ответ не дает мне покоя, как и то, почему я не задалась этим вопросом еще тогда.

Из «Херальд газетт»

В новом документальном фильме о монстре голос Мелгрена меняется, когда его спрашивают о жертвах.

В новом документальном сериале «Сеансы с психопатом» покажут записи бесед серийного убийцы Мэтти Мелгрена, записанные в тюрьме Бэттлмаут, где он отбывает пожизненное заключение без права досрочного освобождения.

Программа выходит к пятнадцатой годовщине приговора по делу об убийствах девяти женщин в Северном Лондоне и восьмилетней девочки в ирландском Грейстоуне, совершенных в начале 1980-х годов.

В рекламном видео Мелгрэн заявляет:

«Важно, чтобы люди услышали мою версию истории. Меня выставляют исчадием ада, монстром с чудовищными наклонностями, которые я не в силах контролировать. Но я не такой. Я обычный человек, отправленный в тюрьму за преступления, которые не совершал. Только представьте, каково это – не сделать ничего дурного и провести всю жизнь за решеткой».

В другом коротком видео репортер обращается к зрителям:

«Когда я спросил его об убийствах, Мэтти заговорил по-другому: более низким голосом, медленно, взвешивая слова. Так ведут себя, когда сгорают от желания. Так обращаются к объекту страсти».

Режиссером выступил лауреат премии «Эмми» Генри Сэлинджер, автор «Меня зовут Мэтти» – художественного фильма с Джеффри Дином Морганом, который осветлил волосы, чтобы сыграть Мелгрэна.

Из газеты «Трибьюн»

«Когда я спросил его об убийствах, Мэтти заговорил по-другому: более низким голосом... Медленно... Так ведут себя, когда сгорают от желания. Так обращаются к объекту страсти», – рассказал Том

Ричардсон, интервьюировавший серийного убийцу Мэтти Мелгрена для нового документального фильма.

Правда ли это? В самом деле? Или мы наблюдаем очередную попытку приписать Мелгрону то, чего нет? Рисуем образ типичного убийцы – и этим сами совершаем преступление.

Как часто случается в подобных передачах о Мелгрене, из-за его приятной внешности и незаурядного ума журналисты описывают его как «убийцу, которого невозможно понять». Единственное, что можно сделать, чтобы получить разумный ответ на вопрос, как такой внешне пристойный человек мог совершить столь чудовищные злодеяния, – сорвать все маски и обнаружить монстра, который за ними скрывается. В этом и проблема.

Как это ни прискорбно, присяжные слишком часто не решаются обвинить красивых образованных юношей в изнасиловании, потому что не хотят «ломать им жизнь». И в той же мере глубоко неправильно стараться непременно выставить Мелгрена антигероем.

Заявления о меняющемся голосе, когда речь заходит о зверски убитых им женщинах, – это низкий прием, который служит только одному: самый обыкновенный мужчина предстает перед нами невероятным злодеем.

Глава 14

«У меня столько вопросов. Мне не дает покоя ее судьба, если она еще жива...»

Вчера по телевизору в очередной документалке о Мэтти показывали мать Оливии Пол. Прошло уже двадцать лет с оглашения приговора, а общественность не теряет интереса к его персоне. Жадные до подробностей люди хотят узнать, кто прячется под маской.

Они задаются вопросом, как совершенно нормальный с виду человек может оказаться по-настоящему страшным преступником? Что побудило состоявшегося, умного и привлекательного мужчину насиловать и убивать? Как ему удалось так долго скрывать свою истинную натуру?

Мне тоже интересно, у меня на то свои причины. Я тоже хочу знать почему, когда и что, если...

За эти годы интернет стал мне одновременно и лучшим другом, и злейшим врагом. Он дает надежду, которая меркнет, едва успев появиться; дает обрывки информации, которые на поверку оказываются пустышками или фальшивками. Например, предполагали, что Мэтти подставили (об этом часто пишут). Говорили, что улики сфабрикованы. Была еще версия, что за всем этим стоит серийный убийца из другого города.

В Сети я находила море полицейских отчетов, расшиф-

ровок судебных заседаний, фотографий из дела. Показания свидетелей, интервью с другими заключенными, переписки на форумах. Сколько же было таких форумов!

Омут информации и дезинформации, в который я кидаюсь очертя голову, одержимая, словно Мэтти. Ни одно убийство не могло сравниться с головокружительным удовольствием от первого нападения, и тем не менее он вновь и вновь пытался испытать это чувство, пока не попался.

Все еще сложно поверить, что добрый и любимый мной мужчина преследовал, ловил и резал женщин. Затаивался после каждого нападения. Однако другие описывают его так ясно, словно сомнений и быть не может.

Ричард Кляйн, криминолог из ФБР, назвал его «тенью, ночным зверем, не оставляющим следов». В прессе подхватили это прозвище. Думаю, Мэтти льстило имя Тень, которое за ним закрепилось. Ему всегда важен был образ, а данный с легкой руки Кляйна «творческий псевдоним» был куда выразительнее ничем не примечательного «Убийцы из Северного Лондона», как его было окрестили поначалу.

За многие годы я прочитала тонны литературы о работе профайлеров. Отчаянно пытаюсь понять Мэтти, завалила тумбочку у кровати томиками Кляйна, Рескина и Дойла. Мне нужно было залезть к нему в голову, пролить свет на мучающие меня «почему?», «когда?» и «что, если?».

Мой главный помощник – интернет – манит, как безжалостная красавица из одноименной баллады Китса. Не мо-

гу противиться искушению нажатием пары клавиш проникнуть в сокровищницу информации. Все надеюсь узнать что-то новое. Эмоциональные качели от безумной радости, когда мне кажется, что я наконец поймала нить, до мгновенного опустошения от того, что нить ведет в никуда.

У меня больше нет друзей. Некому позвонить, не с кем поболтать. Нет никого, кому можно не врать на вопрос «Как дела?». Дженис не в счет. Я ей за это плачу.

После ареста Мэтти все от меня отвернулись, хотя в газетах то и дело цитировали какой-нибудь «источник, близкий к дочери Мэтти».

Ничего, что я ему не дочь? Что ни с кем не делилась? Что у меня нет близких?

Переехав в Лондон, я хотела, чтобы меня приняли как свою. После его ареста – чтобы оставили в покое. Выяснилось, что у нас с бывшими подружками нет ничего общего. Их волновали наряды и мальчики, а я представляла, куда заводят такие интересы. Когда они обсуждали чью-то улыбку, я вспоминала, что Мэтти тоже очень мило улыбался.

Прошло двадцать лет, а я все еще одна, сама по себе. Редко хожу на свидания, а если завожу отношения, то ненадолго. О серьезных намерениях и речи быть не может. Свои секреты доверяю только Бастеру, он их не выдаст. Совета от него не дождешься, но обнимать его – дорогого стоит.

– Проблема в том, что мы были слишком доверчивы, – говорит мама.

– Да, раньше. Уже нет, – отвечаю я.

Маятник качнулся в другую сторону. Я разучилась доверять.

Доверять – значит позволять себе быть уязвимой, верить, что открываешь сердце человеку, который его не разобьет.

Способна ли я на это после всего, что случилось? Я даже себе не доверяю.

Глава 15

– Тебе нужно ему довериться, – наставляла маму Линда. – Хватит мучить беднягу постоянными сомнениями.

Весь декабрь Мэтти где-то пропадал. Сказал, что уехал в Ирландию навестить родителей в Грейстоуне. Эта деревушка в округе Виклоу – богом забытое место, настоящая глушь. Гуляй хоть дни напролет – не встретишь ни души.

– Мило, – ответила мама, когда он упомянул предстоящую поездку. – Тишь да гладь. Что скажешь, Софи?

Видимо, он не понял намека.

Из его скупых рассказов о родителях складывалось впечатление, что нрав у них крутой. Вот почему, как мама объяснила Линде, он не позвал нас с собой.

Линда снова навестила нас. Потянулась еще за одним песочным печеньем «Уокер» и макнула его в чай. За пять лет в Великобритании я так и не смогла постичь это пристрастие англичан к мокрому печенью.

– Возможно, он стыдится их бедности, и потому не взял вас.

– Думает, я буду его осуждать? – ужаснулась мама.

Линда низко опустила подбородок и почесала нос. Бабушка сказала бы, что нельзя делать такое лицо, а то такой и останешься.

– Уверена, в душе он это понимает. Но вспомни, как он

одевается. Запонки, пиджаки, идеальная стрижка...

– О чем ты?

Линда пожала плечами:

– Внешний вид, приличия несомненно ему важны.

– И?..

– И он хочет, чтобы его представляли определенным образом, а если ты увидишь, откуда он родом...

– То стану хуже о нем думать?

– Он может этого опасаться.

– Просто смешно.

– Что не отменяет моей правоты.

Мама прикусила губу, теребя крестик:

– Думаешь, поэтому он так и не сделал мне предложение?

– Бог знает, что у мужчин на уме, Эми...

Я приникла к стеклу, наблюдаю, как падает за окном снег; слышен щелчок зажигалки, Линда затягивается и протяжно выдыхает.

Оглядываюсь на маму, не сомневаясь в ее реакции.

Дедушка выкуривал по три пачки в день и бросил, только когда ему удалили половину легкого. Мама сказала, что после операции он смягчился. «Сейчас и не скажешь, а до того характер у него был не сахар. Чуть что – впадал в ярость, стоило задеть его самолюбие. Ты немного на него похожа...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.